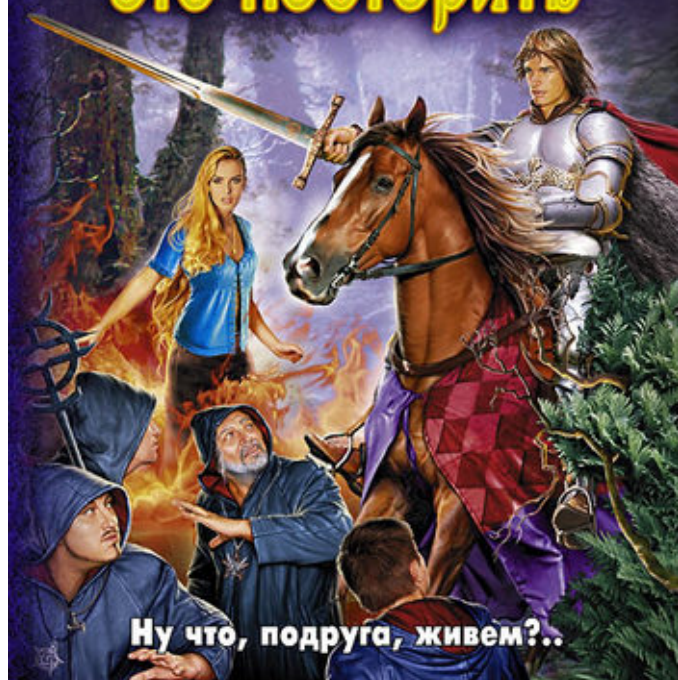

Надежда Первухина

Не пытайтесь это повторить

Ну что, подруга, живем?..

Надежда Первухина
Не пытайтесь это повторить
Серия «Город Щедрый», книга 7

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=566435
Не пытайтесь это повторить: Альфа-книга; Москва; 2010
ISBN 978-5-9922-0696-8

Аннотация

Всем привет! Меня зовут Юля Ветрова, и я самая талантливая ведьма в нашем городе Щедром. Не верите?! Я могу... Ох, что я могу! Даже мертвых оживлять у меня получается легко и необременительно. Хм... Тут оживила я одну девушку, бедную Лизу. Оживила – живи и дай жить другим, так она в такие приключения полезла! Откопала в парке раритетную гробницу и влюбилась в содержимое этой самой гробницы. Познакомилась с вампирами – чуть не вызвала межрасовый конфликт. Отправилась искать Шамбалу – и нашла, попутно покалечив с десяток местных сатанистов. Вот такая она – моя подруга Лиза. Она же Тийя. И самое главное, знаете что? Мертвые ничуть не хуже живых. Это я вам как специалист заявляю.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	47
-----------------------------------	----

Надежда Первухина

Не пытайтесь это повторить

*Посвящается Наталье Батулиной и Зинаиде Тагильцевой.
Потому что они хорошие люди! А хорошим людям нужно посвящать
книги. Сережа и Жан Поль – и вам, и вам!*

*Если за тобой закрылась одна дверь, не остается ничего другого,
как найти и открыть другую.*
Нацуо Кирино. Аут

*...Граница, разделяющая живых и мертвых, подчас бывает
смутной и зыбкой.*
Элис Сиболд. Милые кости

*– Когда мертвые отпустят живых... живые смогут жить
дальше.*
– А мертвые?.. Нам-то куда деваться?
Ответа не было.
Элис Сиболд. Милые кости

Некоторые вещи терпеть просто невозможно.

Например, чайник со свистком. И кто его только придумал?! От нормальной посуды, каковой, несомненно, является чайник, просто не ожидаешь такой пакости, как свист. Стоишь себе на кухне, замечтавшись, и тут на тебе. Сирена! Вой! Рев переполненных трибун! Ничто не сравнится с этим противным свистом! К тому же, если вам интересно, этот свист отпугивает домовых. А дом без домовых – это все равно что кладовка без швабры. Вот так-то.

Впрочем, свист чайника – это все так. В прошлом.

Я к тому, что некоторые вещи невозможно терпеть.

Сейчас.

Личинки.

Просто спасу от них нет. Только приведешь себя в порядок, сияешь, как новый грибенник к Пасхе, – идешь гулять, прилично и со вкусом одевшись, и вдруг... откуда-нибудь из рукава выползает... Собеседник (если таковой на данный момент имеется), конечно, деликатно постарается ничего не замечать. Но тебе-то самой! Противно!!!

Чего я только не перепробовала! И специальные мази, и новомодные аэрозоли, даже таблетки пила, хотя вода, которой их запиваешь, разрушительна для моего организма. В конце концов пришлось поднакопить денег и пойти на поклон к нашей местной знаменитости – колдунье и ведунье Бабе Зине Мирный Атом.

А она мне с порога прямо так и заявляет:

– Таких, как ты, не обслуживаю!

– Почему?

– Потому что это противно человеческой и божественной природе.

– Что противно?

– Ваше существование.

– А если я денег дам?

– Не приму. Уходи по-хорошему, пока я на тебя сторожевого демона не напустила.

Вот и весь разговор. Сторожевого демона она напустит. У нее его отродясь не было, сторожевого демона-то. На них тратиться надо, а, по слухам, баба Зина тратиться ой как не любит.

В общем, осталась я со своей неразрешимой проблемой один на один. Хотя нет. У наших, практически у всех, эта проблема также стоит на первом месте. Потому что эти проклятые личинки мешают нормально существовать.

Подчеркиваю: существовать.

Не жить.

Я не человек, как вы уже догадались, хотя была им когда-то. Я умертвие. Нет, не зомби и не труп, восстановленный с помощью гальваники. Я – мертвец, возвращенный в этот мир благодаря магии. Именно магическая сила и подпитывает мое существование, давая возможность двигаться, разговаривать, работать, мыслить. И самое главное, не разрушаться. Не истлевать.

Я умерла, когда мне было двадцать пять лет. СПИД. В первой жизни я была девочкой, которая не отличалась хорошим поведением. Я дружила с метом, коксом, герычем и людьми, которые все это могут поставлять. Один из таких людей как-то затащил меня в постель и наградил ВИЧ-инфекцией. Помню, для меня это была страшная трагедия... Родители, когда узнали... Впрочем, родители мои и до того были отравлены самим фактом моего бытия. Да и как иначе? Дочь, которая училась в университете на археолога, коллекционировала китайских куколок и вела пристойный образ жизни, вдруг резко из этого самого образа выпала и связалась с нехорошими парнями. Отчаявшись образумить меня, родители сделали мне подарок: купили право на посмертное восстановление. Они верили, что так после смерти я смогу вести достойное существование и окончу-таки университет.

Все бы ничего, но проклятые личинки!!!

Вот сейчас я набираю эти строки на компьютере, из музыкального центра звучит «Пещерный город Инкерман» Дидюли, а левая ладонь начинает знакомо так чесаться. Пере-стаю печатать, отнимаю руки от клавиатуры, смотрю на ладонь. Не проходит и пяти секунд, как в ее середине вспухает бугорок. Еще через секунду кожа вспарывается, и на свет является личинка – омерзительнейшее белесоватое существо с лоснящимся тельцем – и споро так ползет по пальцам. Я давлу ее, содрогаюсь от отвращения. Мне еще повезло. У меня за день набирается всего четыре-пять личинок, тогда как из других моих знакомых умертвий они сыплются просто пригоршнями. Да и сохранность у меня получше. Все-таки родители, спаси их господи, к хорошей ведьме-реаниматору меня свезли.

Помню свое умирание. Это было тяжело и грязно. Я лежала в палате больницы для ВИЧ-инфицированных и выворачивалась наизнанку. Меня мучила ломка, от которой не спасало уже ничего, особенно длинные разговоры с психотерапевтом. Свет мерк в моих глазах, дикая боль раздирала тело, которое хотело только одного – дозы. И тут появился врач.

– Лиза, я пришел с вами поговорить.

Лиза – так меня зовут. Точнее, звали.

– Убирайтесь к черту! – сумела выдать я и вцепилась в кровать. Мне мерещилось в моем бреде, что меня уносит, как дырявую шлюпку от тонущего корабля.

– Лиза, нам обязательно нужно с вами поговорить. Вы в плачевном состоянии.

– Без тебя знаю, психолог недоделанный!

– Попробуйте дышать медленно и ровно.

– И что?

– Боль немного отойдет. Позвольте руку. Я измерю ваш пульс.

Он взял мою руку, и боль отошла. Но вместе с тем я почувствовала, как начали холодеть и неметь мои ноги.

– Подождите... – прошептала я.

И тут в палату вошли мои родители.

– Лизочка... – заплакала мама. – Кровиночка моя!

Отец молча вытирал слезы.

– Вы что? – деревенеющим языком спросила я. – Я же еще не умираю.

А врач все держал меня за руку, держал...

И рука моя холодела.

И на миг мне приоткрылось...

Лица у психотерапевта не было. Вместо него был скалящийся череп с огоньками в пустых глазницах. А больничный халат преобразился в саван, рваную шелковую хламиду, пропахшую тлением.

Но это только на миг.

А потом мое сердце остановилось.

Психотерапевт поднялся и вышел из палаты.

Родители упали на колени возле моей кровати и зарыдали в голос.

А я отстраненно наблюдала за этим, глядя на свое исхудавшее уродливое тело. Я стояла у входа в тоннель. Он, этот вход, был невероятно черен, и впервые я ощутила такой страх, что передать невозможно. И тут из его черноты появился некто.

Он протянул мне то, что с натяжкой можно было назвать рукой:

– Идем!

Я задрожала и прижалась к остаткам реальности, словно они могли меня защитить и удержать.

– Нет!

– Идем. У тебя все равно нет другого выхода.

И тут что-то засияло, как свечка, внесенная в темную комнату.

– Что ты здесь делаешь, Алаэль? – спросил тот, что был от тьмы. – Нет тебе части в ней. Она жила несправедливо. Я забираю ее душу.

– Ты не можешь забрать ее душу, Имхореп, – печально и музыкально сказал Алаэль. – Ее душа обречена скитаться между мирами. Ее родители приготовили ей посмертное восставление.

– Проклятье! Но и тебе не достанется ее душа, Алаэль!

– Я буду наблюдать за нею.

– Я тоже.

И тут я рванулась в свое тело. Оно было таким родным, таким привычным. И...

Не смогла в него войти.

Тело было словно окружено невидимым, но прочным коконом.

И я поняла, что отныне буду болтаться рядом с ним, как воздушный шарик на веревочке.

Кстати насчет тела!

Когда и как его будут воссоставлять?

Родители между тем перестали плакать. Мама оправляла на моем трупе одежду (жуткого цвета пижаму), а отец звонил кому-то по мобильному телефону:

– Благословенны будьте, Юлия! Моя дочь умерла. Полагаю, минут пять назад. Тело еще не успело остыть. Хорошо? Вы вылетаете? Будем ждать. Да, Пятая городская больница имени Семашко. Третий этаж, палата номер двадцать семь.

Через несколько минут (или через вечность – время утратило для меня привычное значение) дверь палаты открылась, и вошла молодая женщина какой-то особой, оригинальной красоты.

– Благословенны будьте! – мелодичным голосом сказала она.

– Благословенны будьте, Юлия! – хором ответили мои родители, и я поняла, кого они наняли в качестве реаниматора. Знаменитую ведьму Юлию Ветрову. А я и не знала, что ко всем прочим своим талантам она еще умеет и мертвецов восставлять.

Юля подошла к моему телу, приложила два пальца к шее. Меня дернуло как током, а на шее, когда ведьма убрала пальцы, остались отметинки, будто от ожогов.

– Надо ее немедленно перевозить в мою лабораторию, – сказала Юля. – Сейчас самое подходящее время.

– Как? – удивился мой папа. – А разве вы ее не здесь, в больнице, восставлять будете?

– В больнице для этого слишком неподходящая аура, – ответила Юля, наклоняясь над моими губами. Секунду мне казалось, что она хочет меня поцеловать. Юля распрямилась и обернулась к моим родителям:

– Ее душа здесь, она привязана к телу последней нитью жизни. Вы действительно хотите восставить свою дочь?

– Да, хотим.

– А ведь после восставления она может стать совсем другой. Не такой, как была при жизни.

– Юля, если честно, мы надеемся на это. Наша Лизочка закончила свои дни наркоманкой.

– Да, это мне известно. Что ж, погодите секунду. Я вызову спецкатафалк.

Юля достала мобильный кристалл и нагрела его в ладони.

– Кто говорит? – донеслось из кристалла.

– Ведьма Улиания. Нужен спецкатафалк к больнице имени Семашко. Палата двадцать семь. На вахте вас пропустят. Поторопитесь.

– Это будет вам стоить тысячу ведьмобаксов.

– Сочтемся. Повторяю: поторопитесь. Отбой.

Юля остудила кристалл и положила его в карман джинсов. Вообще-то для ведьмы она была стильно одета: мужская рубаша навывпуск, в красную и синюю полоску, джинсы, мокасины. На голове мужская же шляпа в стиле Аль Капоне. И хвост. Изумительный хвост, украшенный золотыми колечками. Не на голове, конечно. Хвост рос у Юли пониже спины, как и у всех настоящих ведьм. Только у всех он бывает голый, как крысиный, а у нее бархатистый, приятный для глаз и, наверное, на ощупь.

В дверь палаты постучали.

Дверь распахнулась.

– Катафалк вызывали? – прогнусавил одетый во все черное гном.

– Да, – ответила Юля. – Хвалю. Вы оперативно.

За распахнутой дверью маячил черный гроб без крышки. Он парил в воздухе, словно его поддерживали невидимые стропы. Родители снова заплакали.

– Покойную будем перекладывать или как? – прогнусавил гном.

– Будем, – сказала Юля. Она без видимых усилий взяла мое тело на руки, прошагала мимо моих оторопевших родителей и положила меня в гроб. И я сразу почувствовала, как меня со всех сторон стиснуло невидимыми ремнями. Я больше никуда не могла деться. Да и куда бы я делась – блудная, никому не нужная душа от собственного тела.

Оказывается, за дверью палаты стояло Юлино помело. Она взобралась на него и сказала родителям:

– То, что будет происходить дальше, вам смотреть не рекомендую. Поэтому ждите вашу дочку примерно в половине восьмого вечера. Или в восемь. И не волнуйтесь. Если я за что-то берусь, у меня это, несомненно, получается.

Гроб с моим телом полетел по коридору, моя душа – за ним. Гробом лихо управлял гном. Рядом на допустимой в клинике скорости летела на помеле Юлия Ветрова.

Скоро мы оказались в лаборатории Юлии на Новодворянской, 6. Это было небольшое одноэтажное приземистое здание, облицованное плитами серого сланца. Что примечательно – в здании не было окон. Только одна довольно широкая дверь.

Юля подлетела к ней, спешила. Коснулась рукой дверной створки. В той обнаружилась небольшая панель со сканером. Ведьма приложила к нему кончик своего хвоста, и двери начали медленно распахиваться. Из лаборатории дохнуло темнотой и какими-то химикалиями. А я удивилась, что моя душа может различать запахи. Странно. Я думала, душам уже ничего не подвластно.

Громко чертыхаясь, гном ввел гроб внутрь. Юля хлопком ладоней включила под потолком тусклый свет. Оказалось, что мы находимся в сером унылом коридоре, куда выходили двери полдюжины комнат.

– Дальше я сама, – сказала Юля и щелчком пальцев подняла мое тело из гроба. Тело горизонтально зависло в двух метрах от пола.

– Денежки, – сквозь редкие зубы процедил гном.

Юля достала из кармана несколько разноцветных купюр. Гном тщательно пересчитал их, плюя и дуя на каждую. После этого муторного времяпровождения он наконец исчез вместе со своим гробом.

Двери за ним закрылись, заодно навсегда отсекая от меня мое прошлое.

– Что ж, – сказала моему телу Юля, – пора за работу.

Она отперла ладонью одну из дверей и внесла в комнату мое тело. Здесь стоял операционный стол, над ним – лампа, тоже как в операционной, и вообще здесь все напоминало больницу. Если бы не большой буфет из черного дерева, за стеклянными дверцами которого теснились разные баночки-скляночки.

Юля возложила мое тело на стол. Сам собой зажегся свет. Был он неприятный, какой-то... мертвый.

– Лиза, я знаю, твоя душа сейчас здесь, – негромко сказала Юля. – Как ты себя чувствуешь? Ты можешь говорить, я дарую тебе это право.

И я поняла, что действительно могу говорить.

– Я чувствую волнение и страх, – сказала я. – Моя смерть... это так неожиданно! И странно. Я представляла смерть совсем не такой.

– А какой? Это интересно.

– Ну я была согласна с Базаровым. Мол, умру, и все. Лопух вырастет. А тут такое грандиозное посмертное существование! Скажите, Юлия, а почему вы в разговоре с гномом назвали себя каким-то другим именем?

– Улиания?

– Точно.

– Это мое Истинное Имя. Все ведьмы – и природные и ученые – после посвящения в, так сказать, сан приобретают Истинное Имя, под которым и творят волшебство. Истинное Имя знают немногие.

– Потому что это может дать над вами власть?

– Необязательно. Просто Истинное Имя – это как паспорт: тыкать им в нос всем и каждому необязательно, но иметь при себе нужно. А то мало ли что...

– Скажите, Юлия, вот вы упомянули природных ведьм и ученых. Что это значит? Я думала, ведьмы все одинаковы...

– Нет, на самом деле между нами есть разница. Природные – это те, кто уже родился ведьмой. Изначально. Природная ведьма может так и не узнать о своем даре и никогда не ведьмачить, но все равно дар с нею останется. А ученые ведьмы – это просто женщины,

решившие с помощью книг по магии овладеть базовыми заклинаниями и методами волшбы. Викканки, например, именно таковыми и являются.

– Викканки?

– Да. Никогда о них не слыхала?

– Нет. Кто они?

– Викканки последователи викки – религии неоязыческого ведьмовства. Многие ведьмы, особенно ученые, называют себя викканками и говорят, что практикуют викку, а не колдовство.

– А какая разница?

– Да, в общем, никакой. Просто у многих современных людей со словом «колдовство» что-то негативное ассоциируется. А *викка* – это уже религия. С культом, догмами, обрядами и ритуалами. Ее еще называют викканским шаманизмом.

– Черт возьми, как интересно! Как жаль, что, будучи живой, я этим совершенно не интересовалась! Это какие-то народные верования, да?

– Не совсем. Викканский шаманизм – это смесь колдовства и шаманизма, надеюсь, ты улавливаешь разницу между этими двумя понятиями.

– Слабовато.

– Ну ладно. Так вот, викканский шаманизм был создан верховной жрицей ведьм Селеной Фокс. Было это около горы Хореб, в штате Висконсин. Я там была как-то, ездила поклониться первоисточникам. Ритуалы викканского шаманизма отличаются от простого колдовства тем, что обязательно совершаются на открытом воздухе, чтобы помочь человеку или ведьме связаться с верховным божеством через посредство природы. Ведь природа – мать всем нам. Это единый живой организм. Церемонии викканок немного напоминают ритуалы африканских племен и американских индейцев. Например, удары барабанов, танцы с трещотками и колокольчиками. Сама понимаешь, что танец – штука особая. Танец запросто может ввести в транс. Чего, собственно, викканки и добиваются. В состоянии транса они ворожат, пророчествуют и так далее. Нам же, природным ведьмам, приходится всегда сохранять ясность ума. Мы другие...

– А где исполняются эти танцы?

– Внутри магического круга, разумеется. Он олицетворяет колесо жизни с временами года и жизненными циклами: возрождение и смерть, весна и зима. Викканки празднуют традиционные Восемь шабашей, танцуют вокруг майского дерева в канун Белтейна...

– Это первое мая?

– Да. Так что наш праздник весны и труда на самом деле натуральный шабаш Белтейн.

– Вот где правда открывается! А чем еще занимаются викканки помимо плясок?

– Ну, допустим, целительством. Этим занимаются не все ведьмы, только очень одаренные.

– А вы, Юлия? Вы – одаренная ведьма?

– Ха, как сказать. Но целительством я не увлекаюсь. Тут нужны знания по терапии, психологии, опыт прошлых жизней и прочая фигня, вроде трав и кристаллов. Но мы отвлеклись от главного, а именно – твоего восстановления.

– А вы в самом деле сможете меня восстановить?

– Да. Этого хотят твои родители. А сама ты этого хочешь?

– Ну хочу... Наверное. Я слишком рано умерла! Я ничего хорошего в жизни не видела! Ничего не успела сделать! А ведь я поначалу мечтала весь мир перевернуть! Такие были наполеоновские планы!

– Что ж, тогда посмертное существование – это твой шанс. Такая красивая девушка не должна просто так умереть и ничего после себя не оставить.

– А разве я красивая?

– Изначально – да. Но увлечение наркотиками сильно тебя изуродовало. Не волнуйся, в посмертную жизнь ты войдешь такой, какой захочешь.

– То есть я могу изменить внешность?

– Не изменить, а улучшить. И не ты это сможешь, а я. Но довольно разговоров. С каждой минутой биологическая смерть берет свое и клетки твоего мозга растворяются в пустоте. Твоя душа в ближайшие часы может заниматься, чем хочет, я же буду работать над телом, и прошу меня не отвлекать.

Юля открыла дверцы одного из встроенных стальных шкафов и достала оттуда ярко-красный халат и такую же шапочку. Облачилась в халат, заправила волосы под шапочку и стала похожа на врача.

– Не понимаю, – сказала в пространство Юля. – Почему медицинские халаты не делают красными. Это же так удобно. Не видно крови.

Затем она натянула перчатки и открыла другой шкаф. Выдвинула никелированный поддон со сверкающими хирургическими инструментами и взяла из их множества пилу для трепанации черепа.

– Не люблю это занятие, – пробормотала Юля. – А что делать?

Она что, будет вскрывать мою черепную коробку?

Похоже, так оно и было.

Сначала Юля специальной бритвой выбрила мою голову наголо. Затем каким-то непонятным, но по виду очень острым ножом сняла скальп. Поскольку тело было уже мертво, крови почти не натекло. Наконец завизжала пила и запахло жженой костью – Юля пилила черепную коробку. Закончив, она аккуратно сдвинула макушку. Обнажился мой мозг, не такой уж и шикарный, как я предполагала. Меня взяла жуть. Хорошо, что со мной это проделывают уже тогда, когда я умерла! Мое «я» сжалось до микроскопических размеров и испуганно притулилось в уголке прозекторской – так я назвала Юлину лабораторию.

Между тем Юля взяла скальпель и погрузила его прямо в центр моего многострального мозга. Что-то оборвалось у меня в душе. Видимо, Юля близко подобралась к центру соединения моей души и тела. Неожиданно она принялась напевать, я разобрала слова песни. Песня была печальная:

Шел в дыму и пламени сорок первый год.
У деревни Крюково погибает взвод.
Все патроны кончились, больше нет гранат.
Их в живых осталось только семеро молодых солдат.

– Юля, почему вы поете такую грустную песню? – жалобно спросила моя заблудшая душа.

– А, не волнуйся. Я эту песню всегда пою, когда дела идут нормально.

– Значит, с моим восстановлением нет проблем?

– Практически нет. Но посмотрим, что будет дальше...

Ведьма вынула скальпель. Из проделанного отверстия вытекла струйка крови. Юля подобрала ее ватным тампоном.

– Пора, – сказала она себе.

Из черного буфета она достала склянку с какой-то темной жидкостью. Вставила в нее стеклянную тоненькую соломинку и по этой соломинке перелила несколько капель жидкости в отверстие моего мозга. Моя душа опять вздрогнула, и на мгновение мне показалось, что я немедленно соединюсь со своим телом. Но это было только мое разыгравшееся воображение.

Юля надвинула на место черепную коробку, скальп и быстро, профессионально зашила место разреза. Затем промазала швы какой-то коричневой едко пахнущей мазью. И швы стали срастаться прямо на глазах. Но все равно мое тело представляло собой ужасающее зрелище. Однако это было еще не все.

Она скальпелем рассекла мне грудь, а потом специальными хирургическими ножницами вскрыла и грудную клетку. И ее взору предстало мое сердце – мертвое и жалкое в своей мертвости.

Ведьма вынула сердце из грудной клетки и положила его в сосуд с формальдегидом. А на освободившееся место вложила небольшой шар из прозрачного стекла. В шаре булькала и кипела, переливаясь, какая-то разноцветная жидкость.

– Это заменит тебе сердце. А то, что в мозге, заменит тебе кровь, – тихо сказала Юля.

Она соединила ребра при помощи какой-то золотистой нити, зашила грудную клетку, снова смазала швы, и они начали быстро зарастать.

Теперь я лежала голая, заштопанная, как тряпичная кукла, жалкая до слез.

– Дело за живой водой, – улыбнулась Юля. – Лизина душа, ты, наверное, волнуешься? Не волнуйся, в тело ты не вернешься. Но ты всегда будешь рядом с ним, чтобы обеспечивать ему память. Это очень важно.

А я-то думала, что после восстановления тела передо мною откроется вновь черный тоннель. И посланник тьмы по имени Имхореп протянет ко мне свои длани. Слава богу, это не так!

Юля опять повернулась к черному буфету и открыла стеклянную дверцу. Но ничего достать не успела. Потому что из-за задней стенки шкафа внезапно вышел некто и приставил ей острие рапиры к горлу.

– Как ты прошел сюда? – прохрипела Юля, я же тем временем осматривала новый персонаж, появившийся на сцене.

Он был одет по моде восемнадцатого века: бирюзовый камзол с малахитовыми разводами и накладными карманами, лосины, ботфорты, манжеты, украшенные роскошными кружевами... Лицо у него было изумительной красоты и... злобы.

– Неважно, как я прошел, – процедил он сквозь острые, словно заточенные напильником зубы. – Важно, что я уже опередил тебя, проклятая ведьма. Этот кадавр не восстанет.

– Этот кадавр восстанет, – уверенно и спокойно сказала Юля, словно и не было острия рапиры, царапающего кожу ее горла.

– Тебе так нужны эти останки? – насмешливо поинтересовался Малахитовый. – Что, ради них ты даже пожертвуешь собственной жизнью?

– Ее родители дорожат ею и хотят, чтобы она была восстановлена. У меня нет причин отказывать им.

– Забудь про это. Мне нужен ее труп. Именно труп. Душу можешь оставить себе.

– Я знаю, что ты принадлежишь к секте Пожирателей трупов, но этот труп вам не достанется. Тут замешан мой личный интерес.

– Какой же?

– Я не люблю сект.

– Тогда сразимся?

– Сразимся.

У Юли в руках материализовалась шпага с роскошно украшенной гардой.

– Бой, – буднично скомандовал Малахитовый и попытался пронзить Юле шею.

Ничего не вышло. Юля поставила блок. И сама перешла в наступление.

Противники выскочили на середину комнаты и принялись виртуозно фехтовать, едва не задевая стол с моим телом.

Клинки словно чертили в воздухе магические знаки. В помещении запахло озоном и нагретым металлом. Я, конечно, болела за ведьму, но какой толк был от моей души?

Юля сделала ложный выпад, Малахитовый повелся и тут же заработал укол в плечо. Его плоть зашипела, будто ее коснулась кислота.

– Ты заплатишь за это! – крикнул он Юле.

– Посмотрим, – спокойно ответила та и отразила новый выпад Малахитового.

Похоже, тот выдыхался. Его рапира чертила в воздухе бессмысленные знаки.

– Тебе все равно не выстоять против того, что скоро начнется, – прохрипел он. – И все из-за этой девчонки. Отдай ее мне.

– Не отдам.

– Тогда попрощайся с собственной жизнью!

Как он мог так извернуться?

Рапира глубоко вонзилась Юле в живот. Ведьма захрипела.

– Поздно просить о милости, – засмеялся Малахитовый, вытаскивая рапиру. С рапиры капала черная кровь. Соприкасаясь с полом, она дымилась. – Что, кишочки болят?

– Калем, – медленно и раздельно выговорила Юля. – Утхор. Асет. Заклинаю тебя Святилищем Круга – изыди!

С последним словом вокруг Малахитового взметнулось ярко-голубое пламя. Он завыл.

– Ты же ничего этим не добьешься... – выкрикнул он и исчез, обугливаясь.

Скоро о его присутствии напоминал лишь дым. Кашляя и задыхаясь, Юля подошла к моему телу.

– Это даже удачно, что у меня течет кровь, – пробормотала она.

Ведьма подставила под струйку крови сложенную лодочкой ладонь. Когда ладонь наполнилась, она открыла рот моего тела и влила кровь туда. Все, до последней капли.

– Это лучше, чем живая вода, – прошептала Юля, зажимая свою рану.

А мою душу охватило пламя. И я почувствовала, как в моем теле ожило новое сердце, как новая кровь побежала по венам, новые мысли наполнили сознание. Да, я была мертва. Но в то же время я мыслила и существовала!

Мое восстановленное тело переполняли силы. Словно тысячу жизней прожила я в один этот миг. Я восстала! Я чувствовала, как волшебство кружится вокруг меня вихрями и наполняет меня энергией.

Я в одну секунду спрыгнула со стола и склонилась над Юлей. Та сидела у стены и тяжело дышала. Между пальцев, которыми она зажимала рану, сочилась черная кровь. Юлино лицо заливала мертвенная бледность.

– Юля, чем я могу тебе помочь? – Мой собственный мертвый голос показался мне даже приятным. – Вызвать «скорую»?

– Нет, – хрипло ответила Юля. – «Скорая» тут не поможет. Открой буфет.

Я прикоснулась к дверцам этой мебельной громадины, но они в ответ опалили меня пламенем.

– Ах, черт, я совсем забыла, что они на защите, – пробормотала Юля и сказала: – Именно моим повелеваю – отверзнитесь!

Дверцы буфета распахнулись.

– Видишь железную банку с наклейкой «Том и Джерри»? – инструктировала меня Юля. – Достань ее и неси сюда.

Я достала и принесла. Юля отняла пальцы от раны. Выглядела рана ужасно.

– Это заговоренный клинок, – прошептала Юля. – Другими Пожиратели трупов не пользуются. От такого начинают расползаться кожа и ткани. Открой банку, пожалуйста.

Я открыла. Банка была полна остро пахнущего серого порошка.

– Это пепел висельников, – сочла нужным пояснить Юля. – Лучше всего останавливает кровь. Сыпь на рану.

Я посыпала. Кровь действительно перестала течь, а края раны начали стягиваться.

– Хорошо, – кивнула Юля. – Теперь поставь банку на место и возьми мензурку с наклейкой «Кошачья урина».

Я повиновалась.

– Урина – это моча? – на всякий случай поинтересовалась я.

– Не бреди душу, – слабо усмехнулась Юля. – Пакость, конечно, но при определенных заговорах ей просто цены нет. Смочи какую-нибудь тряпку. Да вот хоть мой носовой платок.

Я смочила уриной Юлин платок и стала, как она учила, протирать рану круговыми движениями, повторяя при этом: «Огонь-вода, исцелите меня, кровь-руда, остановись, в тело вернись, зло-беда, ступайте прочь!» После того как я проделала это трижды по три раза, Юлина рана затянулась, словно ее никогда и не было.

– Уже хорошо, – весело сказала Юля. – Рана зажила, и за то тебе спасибо. Но надо еще восстановить силы. Там в буфете бутылка с наклейкой «Цимлянское шампанское». Давай-ка ее сюда.

Я протянула шампанское, нестати вспомнив, что при жизни, особенно с метамфетамином, любила злоупотребить этим славным напитком.

Юля профессионально вскрыла бутылку и надолго к ней присосалась. На ее щеки вернулся румянец, руки перестали дрожать. Наконец она отбросила пустую бутылку и встала.

– Все, – сказала она. – Я в норме. Кстати, знаешь, как зовут того, кто хотел покуситься на тебя?

– Как?

– Овидий.

– Серьезно? Надеюсь, не тот самый.

– Не тот, конечно. Но тоже очень стар. Ему лет четыреста.

– Кто он?

– Воплощенный демон. Не слыхала о таких?

– Нет.

– Ему подобные есть в этом лучшем из миров. Возникают от связи демона с человеком. Он один из адептов секты Пожирателей трупов.

– Что это за секта? Впервые о такой слышу.

– А, секта как секта. Дрянь. Доктрина – поклонение женскому началу Тьмы.

– Адепты секты действительно пожирают трупы?

– Да. Во всяком случае, точно знаю, что они пожирают отдельные части трупов, например сердце и печень. По их учению, это придает им силу, которой обладал покойник. Примитивно, как пороссячий визг. Этот Овидий – мерзавец каких мало. Так что в своем теперешнем существовании ходи с оглядкой. Он так просто от тебя не отвяжется.

– А ты? – Я незаметно перешла с «вы» на «ты», и Юлю это не обидело. – Ты получила рану...

– А, все нормально, – отмахнулась Юля. – Со мной он больше не будет связываться, потому что понял: я знаю Слово.

– Какое?

– Заветное-заповедное. Которое его уничтожает хотя бы на время. Жаль, что ты не ведьма. Впрочем, это еще можно исправить. А Овидий и его секта – твои первые враги, милая. Повторяю, ходи с оглядкой. Они будут охотиться за тобой. Но ты не унывай. У тебя теперь есть способности, которые помогут справиться даже с Овидием, будь он не к ночи помянут.

– И что же это за способности?

– Ты что, никогда не общалась с умертвиями? Ничего, теперь познакомишься. Во-первых, конечно, тебе дана огромная физическая сила. Руку там или ногу кому оторвать сможешь играючи.

Я хихикнула. Неплохое свойство! В смысле не хихикать, а руки-ноги отрывать. Я, конечно, существо мирное, но чем черт не шутит...

– Потом... Ты можешь проходить сквозь стены. Не разрушая их при этом, конечно. Можешь понимать язык птиц и зверей. Слышать мысли других умертвий. А если поднапряжешься, то и мысли живых.

– И это все потому, что я – мертвец?

– Да. Хочешь посмотреть на себя?

Юля подвела меня к зеркальной двери одного из встроенных шкафов.

Я с некоторым страхом взглянула на свое отражение.

И...

Увидела вполне симпатичную, стройную обнаженную девушку без всяких швов в области черепа и грудины. И еще. На голове у меня росли волосы! Пока что они топорщились как у ежика, но чувствовалось, что это только начало.

– Насчет твоих волос, – откашлялась Юля. – Я запустила специальную программку, они будут расти до тех пор, пока ты не скажешь: «Волосы, достаточно!» Не забудешь?

– Постараюсь. А почему зрачки у меня теперь вертикальные?

– Так и положено. Это отличительный знак всех умертвий. Кстати, ты еще и тени не отбрасываешь.

– Но тени не отбрасывают вампиры...

– И еще вы. Ладно, разговоры разговорами, а надо подобрать тебе какую-нибудь одежду. Не пойдешь же ты домой голой. И кстати, мне тоже нужно переодеться. Этот черт Овидий порвал мою лучшую рубашку!

– Юля, а разве я пойду домой?

– А куда же? – удивилась Юля.

– К родителям?

– Ну ты же с ними жила... Нет, я могу тебе предложить первое время пожить у меня, чтобы адаптироваться, но, по-моему, адаптация тебе не нужна.

– А как мои родители воспримут, что я теперь мертва?

– Ты забыла. Они это уже восприняли. Теперь они воспримут и то, что ты существуешь.

– Спасибо тебе, Юля.

– Не благодари. Идем-ка займемся любимым бабьим делом.

– Каким это?

– В тряпках рыться.

Мы вышли из операционной и оказались в давешнем коридоре. Юля подвела меня к одной из дверей:

– Это моя гардеробная.

Дверь открылась. Внутри комнаты зажегся свет. Я увидела крепящиеся к крашеным стенам металлические палки, на которых медленно раскачивались вешалки с самой разнообразной одеждой.

– Выбирай, – широким жестом предложила Юля.

В конце концов мы остановились на прямой черной юбке в пол, пепельного цвета блузке с черными кружевами, широком поясе, телесного цвета колготках и туфлях – лодочках на небольшом каблучке. Еще, конечно, было белье – скромное, но дорогое. От Виктории Саммер. Не знаете такую марку? Ничего, скоро узнаете. Это наш дизайнер. От нее без ума в Европе, а в России еще не распробовали, все кидаются на тряпки от Армани и Валентино.

– Выглядишь отлично, даже косметика не нужна. Кстати, волосы уже доросли до плеч.

– Пусть еще подрастут, – махнула рукой я, всегда мечтавшая о длинных волосах.

– Ну что ж, – сказала Юля, когда мы вышли из гардеробной, – осталось мне что-нибудь найти.

Она погромела вешалками и выбрала красивую рубашку поло. Когда она снимала с себя старую, рваную, в засохшей крови, то повернулась ко мне спиной. И я увидела шрамы, пересекающие спину этой прекрасной девушки-женщины.

– Юля! – ахнула я, не сдержавшись. – Кто тебя так?!

Она натянула рубашку и повернулась ко мне. Спросила удивленно:

– Ты о чем?

– Шрамы, – пробормотала я. – У тебя на спине шрамы. Ужасные. Откуда они? Кто тебя обидел? Я убью того, кто тебя обидел.

– А, ты об этом, – улыбнулась ведьма. – Это я сама себя обидела.

– То есть?

– Я занималась бичеванием. В смысле самобичеванием.

– Зачем?!

– Чтобы достигнуть религиозного просветления.

– Ничего не понимаю.

– А, тут и понимать нечего. Очень часто приходится идти на какое-то самопожертвование, чтобы связаться с почитаемым божеством. Молитвы просто бывает недостаточно.

– Прости, я лезу не в свое дело... Но какое божество ты почитаешь?

– Богиню Диану, разумеется. Богиню всех ведьм.

– А... а Творца ты почитаешь?

– В какой-то степени. Но Диана мне ближе. Ладно, сейчас не об этом. Нам нужно сделать кое-что очень важное.

– Что именно?

– Дать тебе имя.

– Но у меня уже есть одно.

– Это имя тебя живой. Оно не имеет никакого отношения к тебе мертвой. То твое имя выгравировано на могильной плите на кладбище. И со временем забудут.

– Постой! Какое кладбище! Какая могильная плита! Я ведь... вот.

– Я понимаю, что ты «вот». И другие это поймут. Но найдутся злые силы, которые захотят тебе навредить. Вот их и нужно обмануть фальшивой могилой.

– А, с пустым гробом, да?!

– Не совсем пустым. В нем будет кукла с вышитым у нее на груди именем. Твоим прошлым именем. Оно должно умереть.

– Понимаю.

– Тогда идем.

И мы вошли в еще одну комнату.

Вот она действительно напоминала обиталище ведьмы. Стены сплошь расписаны каббалистическими знаками, солярными символами и даже кельтскими рунами. В центре мраморного пола красовалась пентаграмма, выложенная пластинками оникса. В правом углу комнаты стоял круглый стол, накрытый тяжелой бархатной скатертью алого цвета и с длинной бахромой. На нем был водружен каббалистический семисвечник с горевшими свечами, образовывавшими Тетраграмматон – Тайное Имя Вседержителя. Кроме семисвечника на столе был еще магический кристалл. Но Юля даже не посмотрела в их сторону. Она направилась в левый угол, где стоял маленький треножник для воскурения благовоний. Тут она остановилась и указательным пальцем послала в треножник маленькую молнию. Сухие травы, которые лежали в нем, загорелись, а скорее, затлели. От треножника начал подниматься сладкий, немного дурманный дым.

– Дай мне свою руку, – сказала Юля.

Я дала.

Юля протянула мою руку над тренажером и медленно, напевно заговорила:

– Летят три ворона из нового города. Летят-плачут, крови алчут. Не плакать бы вам, не алкать, черны вороны, а сказать имя новое рабе не божьей. Имя! Скажите имя!

В дыму действительно соткалось размытое очертание трех летящих воронов. И пришел шепот:

– Тийя...

И все пропало.

– Тийя, – повторила я, перекатывая новое имя, как горошину во рту. – Тийя.

– Красивое имя, – улыбнулась ведьма. – А теперь я вызову обычное такси, и мы поедем к тебе домой. На встречу с твоими родителями.

В такси Юля давала мне последние инструкции. Так, например, я узнала, что вода для меня разрушительна, и отныне ванны я буду принимать из талька. У умертвий есть своя баня, где они собираются и моются тальком... Еще можно чистить кожу обычной платяной щеткой, особенно если много наберется ороговевших чешуек. Можно использовать специальные кремы для умертвий, они продаются в любой аптеке города Щедрого (а именно в этом городе мы все и живем). И главное, что я должна запомнить: я ничем не хуже живых людей. И вот тут-то впервые меня и побеспокоила личинка, вылезшая из моей шеи.

– Успокойся, – велела мне Юля, пока я с ужасом разглядывала проклятую личинку. – Почаще приводи себя в порядок, и они меньше будут тебя тревожить. Личинки – это бич всех умертвий. И никто не придумал еще радикального способа борьбы с ними. Может, тебе удастся?

Мы подъехали к моему дому. В окнах горел свет. Родители ждали меня.

Мы поднялись в квартиру. Нас встретили в дверях.

– Доченька, – снова заплакала мама.

– Дочка, – прослезился и отец. – Вот какая ты теперь стала...

Мы все прошли в гостиную.

– Мама и папа, – торжественно сказала я, – отныне я даю вам клятву не употреблять никаких наркотиков и вести правильный образ жизни... существования. Благодарите Юлю, это она восставила меня.

– Не благодарите, – отмахнулась Юля. – Это для меня честь. И, если честно, я провела во время восставления Тийи кое-какой опыт. Но похоже, мой опыт удался. И я надеюсь, что вы найдете общий язык.

Юлю приглашали остаться попить чаю, но она отказалась, сославшись на усталость, и ушла. И я оказалась с родителями один на один.

– Может, покушаешь чего, дочка? – спросила мама.

– Спасибо, но я питаюсь магией и неорганическими удобрениями, это не совсем подходит под определение «пища». Не волнуйтесь за меня.

– Ты так похорошела, – сказал отец. – И волосы у тебя такие длинные. Тебе идет.

– Ой! Я совсем про них забыла. Пожалуй, такой длины хватит. Волосы, достаточно!

И волосы перестали расти. Но все равно коса получилась до попы.

– Меня теперь зовут Тийя, – сказала я родителям.

– Как бы тебя ни звали, – вздохнула мне мама, – ты всегда будешь моей милой маленькой дочуркой.

– Ничего не имею против, – улыбнулась я.

Прошло некоторое время. Я вполне освоилась в своем новом существовании, и родители ко мне привыкли. Ко мне новой.

– Чем планируешь заняться, дочка? – как-то спросил меня отец.

Я как раз производила генеральную уборку в своей комнате, чего не делала уже давным-давно. Я аккуратно поставила на полку свои учебники по археологии и сказала папе:

– Думаю поступить снова в универ. На археологическое отделение истфака. И подрабатывать буду в каком-нибудь магазине. В супермаркетах вон вечно продавцы требуются.

Сказано – сделано. Я подала документы в университет, который находился в нашем областном центре – городе Холмце. На исторический факультет, отделение прикладной археологии. Вступительные экзамены сдала успешно и прошла по конкурсу, несмотря на то что проходной балл был достаточно высокий.

Учиться было интересно. Я особенно увлеклась курсом «Философия Земли», который вела у нас Елена Федоровна Варламова.

Елена Федоровна была эльфийкой. И выглядела как королева. В скромном платье и неброских туфельках она приходила на лекции, устраивалась за шатким преподавательским столиком и начинала с нами говорить. В процессе беседы ее одухотворенное лицо сияло такой красотой и благородством, что я даже завидовала: вот-де прекрасная раса! Елена Федоровна цитировала нам Веды и агни-йогу, а если мы теряли интерес к ее лекции и начинали шептаться, словно мантру, повторяла текст из Шримад-Бхагаватам: «Это знание не предназначено для низких и завистливых людей, агностиков, а также людей опустившихся и нечистоплотных. Оно не предназначено для лицемеров, для тех, кто гордится своими материальными богатствами и ставит себя выше всех живых существ. Его нельзя открывать людям алчным или слишком привязанным к семейной жизни, а также тем, кто не предан Господу, кто враждебно относится к преданным и к Верховной Личности Бога. Это знание для тех, кто никому не завидует, кто полностью очистился от материальной скверны и избавился от пустых привязанностей, дружелюбно относится ко всем живым существам и готов верой и правдой служить Господу». Заслышав это, самые отчаянные сорвиголовы утихали и проникались сознанием вины. Шум и шевеление прекращались, и мы благоговейно внимали тем словам, которые нам говорила прекрасная эльфийка.

Одна лекция мне запомнилась особенно.

Была весна, самая ранняя и непогожая. С неба сыпал мокрый снег, все таяло, вода была кругом, и мне приходилось прилагать огромные усилия для того, чтобы она не попала на меня (зонтика и дождевика мне явно не хватало). Среди нашего потока я была единственным умертвием, но, слава небесам, на это никто не обращал внимания. Все студенты были кто из Холмца, кто из Щедрого, поэтому спокойно относились к моей потусторонности.

Так вот о лекции. Елена Федоровна начала ее так:

– Дамы и господа, кто из вас знает, что произойдет двадцать третьего декабря две тысячи двенадцатого года?

– Конец света! – весело выкрикнул кто-то.

– Что ж, вы недалеки от истины, – улыбнулась эльфийка. – Жрецы майя утверждали в своих священных текстах, что именно двадцать третьего декабря две тысячи двенадцатого года на нашей планете произойдут глобальные катастрофы и перемены. Конечно, предсказаний о грядущем конце света было немало, поэтому мне понятен ваш скептицизм. Однако вокруг происходят такие события и катаклизмы, особенно с начала двадцать первого века, что скептикам и агностикам пора серьезно поразмышлять: а куда мы идем?

Возьмем самое близкое и простое – погоду. Ее уже нельзя назвать привычной. Но кроме погоды на нашу планету обрушиваются ужасные катаклизмы. Жуткие наводнения в Европе и Азии, опустошительные ураганы на Дальнем Востоке и обеих Америках, лесные пожары, разрушительные землетрясения и свирепое цунами... И происходит это все чаще. Подумайте, друзья: за последние три года число катастроф природного характера увеличилось более чем в два раза. Статистика говорит о том, что каждые пять дней в мире то там, то

тут происходят геомагнитные возмущения и разгул стихий. Кажется, нет ни одного выпуска новостей, который бы не открывался рассказом об очередной природной катастрофе.

Подняла руку Света Тамбовцева – отличница и гордость всего курса:

– Елена Федоровна, я слышала, что полюса Земли значительно смещаются каждые тринадцать тысяч лет, и это может вдруг стремительно произойти буквально за сутки. Что же происходит с планетой?

– Планета меняется, – просто сказала эльфийка. – Мы, расы более старые, чем человечество, очень хорошо это осознаем. Знаете ли вы о том, что эльфы ушли жить туда, где геомагнитные характеристики планеты еще близки к норме? Там могут существовать эльфы, но не выдержат люди. Это Крайний Север, места жестокого климата.

– А расскажите про эльфов! – попросил какой-то юноша с параллельного потока.

– Что же вам рассказать? – улыбнулась Елена Федоровна.

– Ну, например, есть ли у эльфов какие-нибудь пророчества и предсказания насчет будущего нашей планеты.

– Разумеется, есть, – кивнула эльфийка. – Да будет вам известно, что свои пророчества о будущем есть у каждой расы, живущей на Земле. У вампиров – самой старой расы – это «Книга князей». Она просчитывает существование вампиров вплоть до две тысячи пятидесятого года, а дальше говорит об апокалиптической войне между расой людей и вампиров. Обратни хранят «Предание о переделке мира», в котором говорится о том, что наступят времена, когда миром будут править только существа их расы. Ну а эльфы... Мы все, проходя инициацию, знакомимся со священным текстом «Эльфийского кодекса». На нашем языке этот кодекс называется так – «Эль-милле осоват'ар».

– О чем же говорится в вашем кодексе? Или это секрет?

– Нет, это не секрет. Кодекс содержит в себе девятнадцать пророчеств, каждое из которых посвящено определенному этапу в истории Земли. Последнее, девятнадцатое повествует о том, что произойдет битва между всеми расами, но та раса, которая победит, будет уничтожена Вседержителем, и потому лучше проиграть.

– Как странно.

– Да. Мы, эльфы, вообще странные существа. А теперь продолжим лекцию. Наиболее древние подлинные документы, сохранившиеся на Земле, – это индийские Веда. В Ведах говорится о том, что наша планета в своем развитии проходит четыре циклически повторяющиеся эпохи, называемые югами, после чего случается глобальная катастрофа. Особенности этих циклов отражаются на существовании всего живого, что есть на планете, а также накладывают отпечаток и на развитие человеческой цивилизации. Первый из циклов – Сатья-юга, или Золотой век, длился один миллион семьсот двадцать восемь тысяч лет. Люди, жившие в тот период, обладали высокими моральными устоями, были глубоко нравственны, душевно и духовно прекрасны. При этом они были наделены сверхъестественными способностями, высоки ростом, физически сильны и очень красивы. И жили до ста тысяч лет.

– Вот это да!

– Но нам это не грозит. Вторая эпоха, Двапара-юга, длилась миллион двести девяносто шесть тысяч лет. В эту эру благочестие людей несколько уменьшилось, появились первые признаки деградации общества, и продолжительность жизни населения сократилась до десяти тысяч лет. В Трета-югу, длившуюся восемьсот шестьдесят четыре тысячи лет, нравственность и моральные устои пришли в еще больший упадок, но люди все еще были сильны и среди прочих рас Земли занимали ведущее место. Их жизнь длилась тысячу лет. Последняя же эпоха, Кали-юга, называется Железным веком. Этот период самый короткий – четыреста тридцать две тысячи лет, но зато самый мрачный из всех четырех. В эту эру люди живут максимум до ста лет и отличаются крайним злочиством и злоумыслием. Наступает общая экономическая и духовная деградация. Мы с вами живем в Кали-югу. Хотя данная эра нача-

лась пять тысяч лет назад и еще не успела слишком далеко зайти в своем развитии, ее проявления видны уже сейчас. Это те самые природные и геофизические аномалии, о которых я говорила в начале лекции.

– Что же будет тогда, когда Кали-юга закончится?

– Произойдут глобальные катаклизмы со сменой полюсов и изменением географии материков. Земля будто меняет «кожу», после чего новый цикл ее развития повторится с самого начала... На смену же людям придет новая раса – так называемые гомункулы.

– Скажите, Елена Федоровна, а считаете ли вы, что наша планета – живой организм?

– Это безусловно так. Земля – разумное живое существо. Таковой ее рассматривали Вернадский, Чижевский, Шипунов и другие крупные ученые. Да, она непохожа на нас и живет совсем иначе, но, полагаю, люди все-таки не настолько заносчивы, чтобы считать себя совершеннейшим видом из всех разумных существ во Вселенной. Вся Вселенная – это гигантский живой организм, и Земля – лишь микроскопическая его часть. Правильнее было бы говорить, что не жизнь рождается на планете, а планета, достигнув определенного этапа в своем развитии, зарождает более мелкие формы жизни, в том числе и разумной.

– Интересная концепция.

– Да, но ничего нового в ней нет. Последователи демиургических религий и пантеисты давно открыли для себя эту истину. Прислушайтесь к ее звучанию и вы...

Лекция заканчивалась, но мы не торопились расходиться, задавали эльфишке вопросы, волновались за будущее планеты.

Однажды я подошла к Елене Федоровне и спросила:

– Профессор, как с точки зрения того, что Земля – живой организм, можно относиться ко мне?

Елена Федоровна усмехнулась:

– Тийя, вы слишком близко все принимаете к сердцу.

– У меня нет сердца.

– Ошибаетесь.

– Профессор, я своими глазами видела, как мое сердце вынули из груди и поместили в банку с формальдегидом. Вместо сердца у меня кристалл.

– И тем не менее сердце у вас есть. Видите ли, Тийя, ваше плотское тело мертво, но ваш дух жив. И именно сердце вашего духа оживотворяет весь ваш организм. Понимаете?

– Смутно.

– Ничего, со временем вы это поймете.

...И действительно, со временем я многое поняла. Учеба в универе не прошла для меня даром. После получения диплома мне предложили аспирантуру, и я с радостью согласилась. Сдала кандидатский минимум. По философии на «отлично», философия с некоторых пор стала моей сильной стороной. Выбрала научного руководителя. Конечно же Елену Федоровну. Она предложила мне тему – «Священная гора Кайлас», и я стала эту тему разрабатывать.

За годы моего студенчества мы крепко сдружились с Юлей Ветровой. Я никогда не забывала того, что она для меня сделала, а ей было наплевать, что я умертвие и у меня из рукавов периодически выползают личинки.

Но сейчас не об этом. Сейчас я хочу немного рассказать вам о городе, в котором жила и в котором теперь посмертно существую.

Наш город называется Щедрый. Кто ему дал такое название – неизвестно, но название прижилось. Городу нашему восемьсот лет, а кое-кто утверждает, что даже тысяча. Дескать, раньше на его месте стоял другой, и жили в нем маги и ведьмы, а также существа, о которых очень любят писать специалисты в области фэнтези. Было на месте Желтого мыса (это район в нашем городе такой) капище свирепого бога Кудрилы, ему приносили человеческие

жертвы и устраивали при этом всяческие непотребства. А теперь... А теперь на месте древнего капища собирается по воскресеньям клуб сатанистов «Алистер», и после них приходится устраивать местным жителям субботники, выгребая из-под кустов остатки черных свечей и бутылки из-под водки. Что же касается ведьм и магов, то они до сих пор вольготно себя чувствуют в нашем городе, практикуют, составляют тайные и явные общества, организуют фестивали магии, шабаши и вообще живут полноценной жизнью. Это значит, что они не только ворожат. Они влюбляются, ревнуют, разводятся, выходят замуж и женятся, воспитывают детей, толкутся в магазинах, торгуются с приезжими абхазцами на рынках за каждый рубль, плачут, смеются и даже умирают. Словом, ведут себя как обычные люди.

Но конечно, в таком городе, как Щедрый, привечают и нелюдей. Это вообще единственное место, где они могут жить мирно и относительно спокойно. Вампиры, конечно, держатся особняком, они любят подчеркивать свой природный аристократизм. Что, впрочем, не мешает им питаться донорской кровью. У нас все жители-люди хотя бы раз в месяц приходят на станцию переливания крови – так сказать, отдать свой долг вампирам. Но зато благодарность вампиров поистине не имеет границ. Во-первых, они никого не кусают. Во-вторых, работают на самых вредных и опасных производствах нашего Щедровского автоагрегатного завода, там, куда людям вход закрыт. И, в-третьих, стараются поддерживать на уровне культурную жизнь в нашем городе: организуют поэтические вечера, вернисажи, концерты. У них это здорово получается. Вампиров уважают. И ценят.

А вот кого от души любят люди нашего города, так это оборотней. Побаиваются, правда, немножко, но любят. Оборотней у нас много. Есть вервольфы, ликантропы, урсолюды, птицелюды, даже оборотни-насекомые (с ними надо быть предельно осторожными, чтобы ненароком не прихлопнуть). Оборотни очень общительны и тоже стараются принести пользу городу, ну и своему карману, конечно. Они хорошие бизнесмены и дельцы, особенно среди них в этом отличаются урсолюды, оборотни-медведи. Они, как правило, держат фермы, пасеки, огороды и торгуют всем этим по приемлемой цене. Одна семья урсолюдов даже завела собственный колхоз. Так там такие зернобобовые культуры, я вам скажу! Никакой Канаде не угнаться.

Вервольфы и ликантропы не очень любят сельское хозяйство. Зато руки у них (в человеческом обличье, разумеется) просто золотые. Поэтому большинство вервольфов работают на нашем часовом заводе «Полет». А кто хочет чего попроще, идут в ЖКХ. Сантехники из ликантропов просто классные! Им нет сравнения ни с кем.

Есть в нашем городе и дракон. Пока один. Его зовут Чжуань-суй, он эмигрант из Китая. Очень милый дядечка. Держит чайный дом под названием «Одинокий дракон». Возлюбленная у него – человек, правда, ведьма. Живут прекрасно.

Ну вот, а теперь мы подошли к еще одной части населения нашего города. Это умертвия. Не мертвецы, подчеркиваю, мертвецы в могилах спят, а умертвия. Это граждане, по договоренности восставленные после смерти. Это могут быть люди самого разного рода. Например, писатели, считающие, что еще не должны умереть для современников. Или мастеровой люд, владеющий секретами особого ремесла. Умертвий у нас не очень много. Просто посмертное существование сопряжено с рядом ограничений (ну вот, например, воду нельзя), да и путаницы много. Видите ли, родственники в силу естества постепенно начинают забывать, что их близкий еще существует, и говорят о нем как об ушедшем. А это обижает. Поэтому умертвия все немного обидчивы и подозрительны. Даже я. Вам, кстати, нравится, как я пишу? Стиль изложения не напрягает? А то мало ли. Прочтете мою рукопись и будете критиковать. А я не вынесу критики и вся изйду на личинки.

Так вот. С Юлей Ветровой мы очень подружились, и она одобряла то, что я снова учусь. Учиться мне было легко. У умертвий обостряются все способности, поэтому я запросто заучивала целые конспекты и учебники и на курсе была первой...

Я стала не только аспиранткой, но и младшим научным сотрудником в нашем Щедровском музее древней истории.

Наш музей в своем роде уникален. Не потому, что здесь можно найти ступу Бабы-яги (кстати, можно), главное – здесь любовно и бережно относятся ко всем артефактам. И продолжают работу по их поиску.

В понедельник, когда музей для посетителей не работал, я наводила порядок в классах с редкими марками (был у нас раздел волшебной филателии). И тут ко мне подошел ассистент Дима Санников и спросил:

– Тийя, что ты делаешь сегодня вечером?

Я знаю, что нравлюсь Диме, даже несмотря на личинки.

– А что ты хочешь мне предложить? – спросила я, оторвавшись от классеров.

– Давай сходим в ваше кафе.

– Но ты же там ничего не ешь, – проницательно заметила я.

– Зато ешь ты. Тебе же понравились эклеры с пеплом!

– Понравились. Но на нас там плятятся другие умертвия. Ты же знаешь неписанный закон: умертвия должны держаться своих и не переходить дорогу людям.

– Но что же делать, если... – горячо зашептал Дима.

Если я захочу приглядеться, я даже увижу его душу. Она у него пылкая, светлая и наивная. И он не понимает, что не целуюсь я с ним только потому, что боюсь, что во время поцелуя из моего рта в его переползет личинка. Такого даже самая светлая душа не выдержит. А я хочу еще долго проработать в музее. И чтобы Дима, встречая меня, не испытывал рвотных позывов.

– Знаешь что, Дима, давай лучше не в кафе. Давай просто погуляем.

– Ну давай. А куда пойдем?

– В Водопьяновский парк, – быстро ответила я.

– Но там собираются кришнаиты...

– Мы не будем им мешать. Я хочу показать тебе кое-что.

– Да? Тогда ладно. Заметано.

После работы я еще успела заскочить в магазин мадам Жервезы. Она покупает у меня самодельные амулеты от плохого сна. Говорит, они хорошо расходятся. Неужели жители нашего города не могут спокойно спать?

На троллейбусе я доехала до дома. Кондуктором, кстати, работал умертвие, все его звали Седая Голова. Он был очень мирный, и не подумаешь, что при жизни он грабил банкоматы.

Дома меня встретила мама.

– Тийя, тебе письмо, – сказала она, протягивая мне конверт из плотной сероватой бумаги.

Я удивилась. До сих пор письма я получала исключительно по электронной почте.

– От кого бы это?

Обратного адреса не было.

– Я волнуюсь за тебя, Тийя, – неожиданно сказала мама. – Будь осторожна, ладно?

– Мамочка, да ничего со мной не случится, – улыбнулась я, снимая с уголка губ очередную сволочь-личинку. – И потом, я же очень сильная. Так что пусть поостерегутся те, кто вздумает связаться со мной или с моей семьей.

– Ладно. Вскрывай конверт, посмотрим, что за письмо.

– Ой, мам, мне сейчас некогда. Я с Димой иду в Водопьяновский парк гулять. Хочу перед этим переодеться, а то эта одежда слишком официальная, для работы.

Мама вздохнула, а потом сказала:

– Дима хороший мальчик, мне нравится. Но он человек.
– Мама, я знаю, что он человек.
– Просто его родители не позволяют ему жениться на тебе.
– О, так далеко я и не заглядываю. Мама, я не собираюсь ни за кого замуж. Я не для этого была восстановлена.

– Много ты понимаешь.

– Ладно, мама, извини, я убегаю переодеваться.

Я ушла в свою комнату, держа письмо в руках. Если честно, мне было любопытно, от кого же оно, но я решила потомить себя ожиданием. Есть у меня в характере такая черта – томить себя ожиданием. Хорошо, что я не томлю ожиданием других!

Поэтому я сунула конверт под салфетку на моем трюмо и принялась переодеваться. Для прогулки в Водопьяновский парк я выбрала черные джинсы и свободную рубашку в клетку. На шею повесила бусы из чешского стекла, на руку – такой же браслетик. Заметила, что на тыльной стороне ладони шелушится кожа и немедленно намазала пораженное место специальным кремом для умертвий. Если шелушение не предотвратить в зародыше, оно может поразить все тело. И тогда будешь выглядеть непрезентабельно. Очень. А я боялась этого больше всего – выглядеть непрезентабельно.

Подкрасив губы и ресницы, я отправилась в парк. Он, кстати, располагался недалеко от моего дома.

Парк был красив и ухожен. У нас вообще много парков, скверов, фонтанов. И все это не запущено, не загажено. Потому что за состоянием всего следят умертвия-милиционеры, зомби-уборщики, вервольфы-ремонтники. Ни у кого не возникает желания с ними связываться. Разве что только у сатанистов из клуба «Алистер». Но они придурки, что с них возьмешь!

Дима ждал меня у входа в парк, держа в руке оранжерейную розу. Роза была изумительного пурпурного цвета. Я даже немножко загордилась оттого, что эта роза предназначена мне.

– Привет, – улыбнулся Дима и протянул мне цветок.

– Привет. Спасибо. Какая роскошь!

– Да ладно тебе. Ну что, идем?

– Идем.

– Я сразу хочу показать тебе то место. Пока не стемнело.

– Да сейчас вроде поздно темнеет.

– Знаешь, в том месте всегда почему-то темнеет рано. Ты это заметишь сам.

Мы сначала шли по главной аллее, а потом я взяла Диму за руку, и мы углубились в лабиринт разных тропок и тропочек, направившись в самую глухую и малопосещаемую часть парка. Впрочем, всюду светило солнце и было не страшно.

Мы прошли еще немного и очутились на небольшой, прямо крошечной полянке. В ее центре росла солидных размеров сосна.

– Пришли, – сказала я. Приблизилась к сосне, опустила у ее корней на колени и позвала Диму: – Иди сюда.

Он подошел. Присел рядом. И вдруг резко побледнел.

– Тебе плохо? – спросила я испуганно.

– Что-то голова закружилась, – пробормотал он. – А, ерунда. Давай показывай, что ты откопала.

Я достала из своей хозяйственной сумки маленькую садовую лопаточку и принялась отгрести усыпанную хвоей землю. Через несколько минут солнце зашло за тучу, и у сосны стало очень сумрачно.

Поэтому сияние того, что я откопала, показалось особенно ярким.

А Димино лицо в этом сиянии – особенно бледным.

– Что это? – прошептал он.

– Я сама не знаю, – в тон ему прошептала я. – Я как-то гуляла здесь поздно вечером, смотрю – светится. Я стала откапывать, но такое впечатление, что чем больше копаешь, тем больше оно уходит под землю. На что похоже?

В Диме проснулся профессионал. Все-таки он был археологом.

– Это похоже на край саркофага. Или склепа.

– Значит, ты тоже это заметил.

Забытая оранжерейная роза лежала на ковре из сухих сосновых иголок, а мы с Димой горячо обсуждали находку. Дима тоже попробовал ее пооткапывать, но скоро понял, что ничего не добился этим. Светящееся нечто словно уходило от нас.

– Что будем делать? – спросила я Диму.

– Ты еще никому про это не говорила?

– Нет. Вот только тебе сказала.

– Знаешь, по-моему, об этом надо поставить в известность ученый совет музея. Это явно какой-то артефакт.

– А если не артефакт? Опозоримся только.

– Нет, это наверняка сенсация в оккультном мире! Вот поверь мне!

– Димка, почему ты такой бледный?

– Голова кружится все сильнее, – простонал Дима и вдруг потерял сознание.

Неужели это Нечто на него так подействовало?

Я взяла Диму на руки (если помните, став умертвием, я резко прибавила в физической силе) и отнесла подальше от свечения. Он тут же открыл глаза.

– Что это? Ты меня несешь?

– Ч-ш-ш, успокойся. Тебе стало плохо, вот и все.

– Мне уже легче.

– Сможешь идти своими ногами?

– Смогу.

– Ну ладно.

Я отпустила Диму. Он, покачиваясь, ухватился за ствол молоденького клена.

– Тийя, это что-то нехорошее.

– Ну как в романе: герои отрыли артефакт, а он оказался таким, что лучше бы и не отрывали. Да?

– Плевать на романы. Лучше присыпь его снова, и пойдем отсюда.

Я присыпала светящееся Нечто иголками, и мы действительно ушли. Но моя душа не унималась.

А тут еще мне приснился сон...

Будто иду я по Водопьяновскому парку глухой ночью. И встречают меня сатанисты из клуба «Алистер». И говорят:

– Мы тебя в жертву принесем. Нам как раз жертва требуется.

Я, естественно, рассмеялась, потому что, во-первых, убить меня невозможно, а во-вторых, я сама кого хочешь в жертву принесу, если приспичит. Сатанисты окружили меня, и тут я вижу в их руках бутылки с водой.

– Мы не шутим, – говорят сатанисты.

– Я тоже не шучу. – И встаю в боевую стойку.

Но что значит моя боевая стойка, если меня начнут поливать водой?! Вода для меня все равно что для человека кислота.

– Пойдешь с нами, иначе зальем, – говорят сатанисты.

– Хорошо, только уберите воду, – слегка дрожа, отвечаю я.

Они крепко взяли меня за руки и повели в глубь Водопьяновского парка. Вдруг деревья расступаются, и я вижу небольшую полянку. Посреди нее стоит грубый камень, вокруг которого полыхает костер. Но я почему-то догадываюсь, что камень этот холоден как лед и никакое пламя ему не угроза.

– Это алтарь, – говорит предводитель сатанистов. – Ведите ее сюда.

Меня доводят до границы пламени. А она, эта граница, все разрастается, огонь уже лижет носки моих туфель. Но жара от него я не чувствую и понимаю, что оно такое же холодное и страшное, как и камень-алтарь.

– Ступай, – велит мне предводитель. – И ложись на алтарь.

Я хочу возмутиться, воспротивиться, но во сне это почему-то не получается. Я прохожу через пламя, оно на миг окутывает меня, словно прохладный шелк, и уже собираюсь лечь на камень, как вдруг слышу приказ:

– Стой! Тийя, не смей!

Я поворачиваюсь спиной к камню и смотрю сквозь пламя. И вижу громадного всадника на не менее громадном коне. За спиной его развевается алый плащ с подбоем белым мехом, в руке сверкает мощный меч. Этим мечом он так устрашает сатанистов, что они разбегаются, как тараканы от дихлофоса. Конь одним скачком оказывается у камня и встает на дыбы. Его передние копыта опасно нависают над моей головой. Я зажмуриваюсь, а когда разожмуриваюсь, вижу, что конь стоит ко мне боком (какая богатая у него попона!), а всадник, слегка наклонившись, протягивает мне руку:

– Едем, Тийя!

Я принимаю его руку, и меня внезапно обжигает плотское желание. Желание такое, какого я не испытывала уже неизвестно сколько лет.

– Едем, – шепчу я, дрожа, как первоклассница, застигнутая за курением в туалете.

Всадник усаживает меня боком перед собой, я прижимаюсь лицом к его груди, затянутой в кольчугу. Я слышу, как гулко бьется его сердце, и жалею, что он в ответ не может услышать моего сердцебиения. Зачем я ему. Умертвие...

Я отнимаю лицо от кольчуги и смотрю ему прямо в глаза. Я понимаю, что прекрасней глаз и лица я еще не видела. Тонкие черты, прямой гордый нос, высокие скулы, волевой подбородок с ямочкой.

– Кто ты? – шепчу я, краснея.

– Твое спасение, – просто отвечает он.

– Да, ты спас меня. Как твое имя?

– Лекант Азимандийский.

– Какое потрясающее имя! А сколько тебе лет?

Он молчит. Потом говорит нехотя:

– Это не так уж и важно, Тийя.

– Хорошо, – тут же соглашаюсь я. – А куда мы едем?

– Здесь недалеко, – шепчет он.

И мы выезжаем на ту поляну, где под раскидистой сосной я обнаружила светящийся артефакт.

Лекант слезает с коня, подхватывает меня на руки и несет к сосне. Я изнываю от желания. Мы будем заниматься любовью? Что, уже так скоро?

Он кладет меня на землю, колкую от хвойных иголок, и ложится рядом. Мы долго лежим так, покуда над верхушками деревьев не занимается рассвет.

Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на Леканта, и вижу, что его прекрасное лицо побледнело и как-то светится. А еще – что он уходит под землю, словно ее жирное чрево всасывает его.

– Лекант! – кричу я. – Не уходи!

– Спаси меня, Тийя, – говорит он. – Засыпь землей то, что открылось, и обретешь меня. Я – твоя любовь, Тийя. Твоя единственная любовь...

И с этими его словами я просыпаюсь. Машинально тереблю пальцами коротенькое ожерелье из тигрового глаза, которое не снимаю даже на ночь. Тигровый глаз предохраняет от разложения. Это ожерелье подарила мне Юлия Ветрова...

Но Лекант, Лекант!

Как я теперь забуду этот сон!

Я должна идти на работу. Сегодня у меня серьезная задача – погружать в формальдегид препарированных не редких для нашего края уродцев. У нас часто находят жаб с шестью лапками или карпов с двумя головами. Их жители и приносят в музей древней истории, желая, чтобы их дар обязательно был помещен в экспозицию.

Я как раз погружала в раствор трехголового крота, когда ко мне подошел Дима.

– Привет.

– Привет, Димыч. Извини, я сейчас закончу.

Я благополучно законсервировала крота и повернулась к Диме:

– Ты что-то хотел сказать?

– Я хотел поблагодарить тебя за прогулку и еще хотел сказать, что этот артефакт не дает мне покоя.

– Мне тоже... – Я раздумываю, рассказывать ли Димке про мое сновидение. Наконец решаю, что не стоит.

– Давай пойдем туда сегодня после работы и попробуем его откопать, – с энтузиазмом предложил Дима.

Кто-то словно сказал за меня, но моим голосом:

– Это место надо не раскапывать, а засыпать землей. И тогда гробница сама выйдет на поверхность.

– Гробница? – озадаченно переспросил Дима. – Откуда ты знаешь, что там гробница?

– Знаю, и все.

Дима с обидой:

– Все у тебя тайны...

– Димочка, не сердись. У умертвий сильно развито дальновидение.

Это ложь, но Дима проглотит.

– Я все время забываю, что ты умертвие.

– Я тоже об этом иногда забываю, но... – комично развела руками я.

– Ладно. Ну что, после работы идем в Водопьяновский?

– Сразу не получится. Я должна заскочить домой, приготовить родителям ужин. Договоримся на восемь вечера. Прихвати лопату.

– Ладно, – согласился Дима.

До чего он покладистый, просто благодать!

...Пока я работала, затем возвращалась домой, готовила ужин родителям, из моей головы не шел Лекант. Как он прекрасен! И как я хочу его! Я не просто влюбилась, я потеряла голову. И да здравствует любовь, которая позволяет нам терять головы в этом донельзя прагматичном мире!

Ирония судьбы в том, что я нашла свою любовь после того, как умерла. В той жизни места для любви не было.

Тут мне на глаза попался конверт – письмо, которое я до сих пор не удосужилась прочитать. Я протерла руки, жирные после приготовления гуляша, и вскрыла конверт.

Оттуда выпал листок бумаги, сложенный вдвое.

Я развернула его.
«Не делай этого».

Это было все. Строчка, отпечатанная на принтере. На очень хорошем, кстати, принтере. И бумага неплохая. «Снегурочка», кажется.

Что это мне, Тийе, запрещают делать?

Уж явно не гуляш готовить.

Все ясно.

Кто-то прознал, что мы с Димой (а в основном я) обнаружили светящийся артефакт. И этот «кто-то» очень не хочет, чтобы этот артефакт явился людям во всей красе.

Но я же героиня романа, верно? А героиням романа положено, презрев опасности, идти в самое пекло, причем в платье коктейльного варианта и с оружием в виде пилочки для ногтей.

А значит, я сделаю все, чтобы гробница вышла на поверхность.

Я освобожу Леканта.

Чего бы мне это ни стоило.

...Мы встретились с Димой у сосны. Он держал лопату, как и обещал. Присыпанный сосновыми иголками, угол гробницы казался больше, чем в прошлый раз. И свечение было ярче.

– Засыпай гроб! – скомандовала я Диме и сама стала носить землю на едва приметный холмик, не боясь запачкаться. В конце концов, у меня достаточно импортного талька, чтобы оттереться, если что.

Мы проработали так не меньше часа. Сумерки совсем сгустились, в небе зажглись первые звезды, а где-то вдалеке надрывно завывали бас-гитары, созывая членов клуба «Алистер» на вечернюю молитву их рогатому покровителю.

Но здесь было тихо и темно. Только из-под насыпанной земли шло свечение, которое и помогало нам не заблудиться в трех соснах.

– Тийя, по-моему, у нас ничего не получится, – успел сказать Дима.

И тут началось.

Сначала пришел ветер. Он завывал над верхушками сосен и кленов, пригибая их к земле, закрутил волчком сосновые иглы, взметая их в воздух. У Димы из рук выпала лопата, он побледнел и зашатался.

– Что с тобой? – крикнула я, стараясь перекрыть ветер.

– Мне плохо, – сказал Дима и упал на колени.

Лицо его заливал пот.

Он закрыл глаза.

– Дима! – опять закричала я. – Ради всего святого, не теряй сознание!

Но Дима меня не послушался.

Что мне оставалось делать? Я подхватила его на руки и стрелой полетела прочь от странного места. Опомнилась я лишь тогда, когда пробежала добрую половину парка. Стараясь не попасться на глаза сатанистам, я добралась до ближайшей скамейки и положила на нее Диму. Аккуратно похлопала его по щекам:

– Димочка, очнись!

Димочка был ноль внимания.

Что делать?

Я достала сотовый и набрала номер «скорой». Машину я вызвала из больницы, которой заведуют гномы. Они обычно приезжают не в пример оперативнее, делают все виртуозно и, если что, везут к себе в клинику, а там разве что мертвых не поднимают. Это я в фигуральном смысле, конечно.

Правда, за свои услуги гномы ломают цены несусветные, но ради Димы я готова была расстаться с любой суммой. Благо при мне была пластиковая карточка, а на ней – недавно перечисленные аспирантские за четыре месяца. Должно было хватить.

Я не успела все это прокрутить в голове, а желтая с красным карета «скорой помощи» уже маячила у начала аллеи.

Я замахала руками:

– Сюда, сюда!

Они мгновенно подрулили к скамейке. Димка все так же был без сознания.

Из машины выскочил коренастый гном в белом халате:

– Приветствую! Что тут у нас?

– Мы гуляли с другом, – принялась объяснять я, – и он вдруг неожиданно потерял сознание.

– Понятненько. Степан, доставай каталку и капельницу!

Из нутра машины выкатился второй гном с каталкой и капельницей. Диму переложили на каталку (она оказалась коротковата), гном осторожно и мастерски ввел Диме в вену иглолку от капельницы. В пластиковом пакете плескалась какая-то жидкость.

– Что вы ему вводите? – всполошилась я.

– Пока только глюкозу, успокойтесь. А для того чтобы он очнулся, дадим понюхать нашатыря. Он ведь просто человек, значит, чего-то особенного ему не требуется. Ну стало плохо...

– Я заплачу, у меня есть деньги, только вы сделайте так, чтобы он очнулся.

– Очнется, красавица, не волнуйтесь.

К Диминому симпатичному носу поднесли ватку с нашатырем. Ничего. Никакой реакции.

– А вот это уже плохо, – сказал первый гном. – Степа, давай внутривенно препарат номер четыре.

– Это что еще за препарат номер четыре? – опять всполошилась я.

– Не волнуйтесь, девушка. Присядьте пока на скамейку.

Гном Степан из непрозрачной ампулы набрал в шприц какую-то жидкость. И ничтоже сумняшеся вколол ее Диме в свободную от капельницы руку.

Прошла минута, две... На Димины бледные щеки медленно возвратился румянец. А потом он часто задышал, дернулся и открыл глаза.

– Слава небесам! – вырвалось у меня. – Ты очнулся!

– Тийя, – простонал Дима, – не ходи туда. Там плохо.

– Дима, молчи, тебе вредно волноваться.

– Вот что, девушка, – сказал мне гном Степан, – надо его в больницу. У него шоковый эпизод. Ему отлежаться надо на живой воде и транквилизаторах.

– Не надо в больницу, – вяло запротестовал Дима.

– Надо, – железно настояли мы все.

Диму погрузили в машину, Степан уселся рядом с ним.

– А вы поедете, девушка?

Я вспомнила ветер и гробницу. Недоделанную работу, которая сводила с ума. И Леканта, которым бредила.

– Я... я не могу. Скажите телефон, я позвоню в больницу и узнаю, куда его положили.

Мне сообщили номер телефона, я занесла его в память своего мобильного.

– А расплачиваться за вызов когда будете?

– Сейчас. – Я протянула кредитку.

Гном провел по карточке ладонью (раздался писк) и сказал:

– Благодарим за то, что воспользовались нашей «Службой скорой помощи». Не волнуйтесь, поставим вашего друга на ноги.

И они укатили. Я подождала, пока в темноте растает свет габаритных огней, и бросилась обратно, на поляну.

И похоже, успела вовремя!

Земля возле сосны дала трещину, и дерево наполовину погрузилось в образовавшуюся расселину. Но это было не главное. Из расселины лился яркий свет. И что-то гудело, как провода высокого напряжения.

А затем гробница вышла на поверхность и немного приподнялась в воздух. Я поняла, что она больше напоминает не гробницу, а... колыбель.

– Лекант, – прошептала я.

Я подошла к гробнице и осмотрела ее. Она светилась каким-то голубовато-зеленым светом и была вся изрезана непонятными символами. Кто-то словно толкнул меня под руку, и я коснулась пальцами трех символов, выгравированных на крышке: круг, птица, волнистая линия.

Крышка бесшумно откинулась как на шарнирах, свет усилился, и тогда я увидела его. Скелет.

Он был очень старым, это я определила сразу. Кое-где на нем висели лохмотья истлевшей ткани. Я еще заметила что-то блестящее на зубах черепа и сверкающие, потрепанной красоты браслеты, обхватывающие почерневшие от времени кости запястий.

– Лекант, – прошептала я. – Это ты?

Но скелет, разумеется, молчал.

Что делать?

Во мне заговорил будущий ученый. Гроб с его содержимым необходимо как можно скорее отправить в музей. И уже там провести исследование, привлечь специалистов.

Хотя не станет ли специалистам-людям плохо от присутствия этого экспоната, как недавно Димке?

Вопросы, вопросы...

Я медленно закрыла тяжелую крышку. Она щелкнула, и тут же с боков выдвинулись ручки. Что ж, очень мило.

Я потянула за одну из них, и гробница медленно двинулась за мной по воздуху. Так я и шла с нею в арьергарде по самым многолюдным улицам. И что интересно, никто не обратил ни на меня, ни на гробницу внимания. Впрочем, за поздним временем зрителей на улицах было мало. Щедрый, подобно прочим провинциальным городкам, рано ложится спать (во всяком случае, человеческая часть его населения).

Наконец мы добрались до музея. Меня ощутимо потряхивало, и с ног сыпались личинки – я здорово устала. Ладно, завтра восстановлюсь.

Я отперла служебный вход своим ключом и втащила гроб внутрь. В музее никого не было, поэтому никто не спросил меня, что это я затеяла.

Почти падая от усталости, я внесла гробницу в одну из пустых кладовых и поставила прямо на пол. Сияние померкло. Теперь это был просто мрамор странного зеленоватого оттенка.

– До завтра, Лекант, – прошептала я и закрыла кладовку.

Теперь стоило поспешить домой. Родители, конечно, волнуются – думают, где это я пропала. А их меньше всего хотелось бы нервировать, они и так со мной натерпелись. И потом, мне нужна хорошая ванна из талька. Или хотя бы сухой душ.

Я заперла музей, радуясь, что сделала потрясающее открытие. Кто он, этот Лекант Азимандийский? Как его оживить? А в том, что его можно оживить, я не сомневалась. Иначе

зачем такие сны? Такие видения? Лекант обрстет плотью и восстанет. И будет живее меня! И скажет мне: «Благословенна будь, Тийя! Здравствуй, моя единственная любовь!»

Я шла по улице Красных Янычаров и размышляла сразу о миллионе предметов. Но больше всего я думала о Леканте и о Димке – как он там, в гномской больнице? Надо обязательно навестить его в ближайшее время...

Темнота вдруг сгустилась вокруг меня, словно плотное одеяло, а в следующее мгновение я почувствовала, как в мою шею впиваются острейшие клыки.

От неожиданности я замерла как вкопанная.

Вампир?!

Но наши вампиры на умертвий не нападают, знают, что это глупо и непродуктивно. В нас нет настоящей крови, а лишь магическая зеленая субстанция, заменяющая ее. Наши сердца не бьются. Вампиру от умертвия нечем поживиться.

По крайней мере, местному вампиру.

Значит, этот – не местный?

Тут клыки дернулись и вышли из моей шеи. Следом я услышала звук некультурного плевок и ругань на английском:

– Чтоб ты сгорела, проклятая мертвечина!

– Я не мертвечина, а умертвие, – сказала я на английском и обрела возможность двигаться. Тьма рассеялась, да к тому же я включила ночное зрение. Передо мной, брезгливо отирая белоснежным платком рот, стоял юноша лет двадцати. Глаза у него горели красным, длинные черные волосы разметались по плечам, а красивое лицо было безумно бледным. Одет вампир (все уже поняли, что это вампир?) был в изящнейший серый костюм-тройку и вычищенные до блеска остроносые ботинки. Хорош, мерзавец! Ну почему все красивые мужчины либо имеют не ту ориентацию, либо вампиры? Впрочем, эти мысли побоку. Я спешу домой.

Но надо же что-то сказать напоследок!

Что-нибудь этакое. Едкое, как хлорка.

– Приличные вампиры всегда отличают живое от неживого, – сказала я, изящно дернув плечиком и посверкивая глазами.

Произнесла я это, разумеется, по-английски. Я уже давно поняла, что передо мной иноземец.

Он убрал платок, а потом сказал неожиданно жалобным голосом:

– Что же мне делать?

– А что?

– Я голоден и, похоже, заблудился в этом вашем ужасном городе!

– Наш город вовсе не ужасный, а очень даже гостеприимный. Для порядочных особей, разумеется. А насчет того, что вы голодны... Донорская кровь подойдет?

– Донорская кровь?

– Ну да. Замороженная. Но для вас разморозят, конечно.

– Кровь???

– Я что, плохо говорю по-английски? Кровь. Еда. Лучшая трапеза для вампира.

Он как-то болезненно посмотрел на меня своими красными глазами.

– Я молодой вампир, – сказал он. – Меня недавно инициировали, поэтому я должен питаться только живой кровью. А не... донорской.

– У нас в Щедром вампирам запрещено охотиться на людей и даже на животных. Только донорская кровь. Или медленная смерть от голода.

– Голод?! О нет! Шит! Деммит! Где ваша донорская кровь?

– Идемте, – торжествующе сказала я. – Провожу.

Полчаса я потратила на то, чтобы довести вампира до ближайшей дежурной аптеки с кровью. Его пришлось чуть ли не тащить на себе. Так вот, об аптеке. Да, у нас кровь можно приобрести не только на станциях переливания и в спецресторанах, но и почти во всех аптеках.

В аптеке обессиленный вампир сел в кресло, а я подошла к прилавку.

– Литр крови, пожалуйста. Эй, вампир, тебе какая группа нужна?

– Все равно, – пробормотал вампир.

– Любую, пожалуйста. Только чтоб посвежее, а то он из новичков, поэтому капризный.

Аптекарьша понимающе кивнула, отлучилась на секунду, и вот уже передо мною на прилавке стояла коробка, похожая на упаковку из-под сока, и маленькая трубочка-соломинка.

Я расплатилась, забрала коробку, подошла к вампиру, скорчившемуся в кресле. Протянула со словами:

– Пей. Приятного аппетита!

Он так и присосался к соломинке. Даже замурлыкал от удовольствия.

До чего же он все-таки жалок! Сочетание костюма-тройки и это поведение...

Наши вампиры не такие. Наши лучше.

Он опустошил коробку в мгновение ока. Бросил тару в урну, распустил крылья.

– Сила, – пошептал он.

– Легче стало? – заботливо осведомилась я.

– Легче. Как тебя зовут?

– Тийя.

– А меня Аларих.

– Очень приятно, Аларих. Куда теперь идем? Ты, кажется, говорил, что заблудился...

– Да, я заблудился. Мы приехали недавно, остановились в гостинице... Ее держат вампиры.

– «Цепеш»?

– О да, верно. Боюсь, что сам я не найду туда дорогу.

– Я провожу. Хотя вообще-то я спешу.

– Мы можем полететь. Я вполне в силах нести тебя на своих крыльях.

– Нет уж. Лучше вызовем такси.

Я вызвала такси (снова в ход пошла моя карточка), и мы доехали до «Цепеша». Там я распрощалась с вампиром и на этом же такси отправилась домой.

Дома, естественно, родители стояли на ушах.

– Тийя, где ты была так долго?!

– Простите, – сказала я в ответ. – На меня напал вампир.

– Что???

– Да, вот так получилось, – нервно рассмеялась я. – Он не местный, приезжий, поэтому не сразу понял, что я не живой человек. Он был очень голоден...

– Надеюсь, ты не потащила его в ближайший донорский пункт, – проницательно заметил папа. – Ты ведь у нас без меры милосердная. Всех убогих спасаешь. Дома уже деваться некуда от твоего галчонка и черепашки.

Есть такое дело. После моей смерти я стала жалеть всех живых существ, которые пострадали, но в которых теплится нежный огонек жизни. Поэтому я спасла галчонка, которого сбила машина (у него были сломаны оба крыла и лапка), а потом еще принесла и черепаху, на нее спьяну наступил хозяин, и у бедняжки треснул панцирь. Эту черепаху к нам в музей приволокли, хотели заспиртовать, но я не дала. Стала лечить и вылечила. Теперь галчонок и черепаха живут (именно *живут!*) у нас дома. Я их обожаю и тетешкаю, а родители воспринимают их, конечно, не очень. Лишние рты и все такое... И мусорят, мол.

Но вернемся к вопросу о вампирах. Точнее, о вампире.

– Папа, ну что было делать? Я привела его в аптеку и купила ему литр крови. Ему после этого легчало... Потом я проводила его до гостиницы «Цепеш», потому что он заблудился.

– Тийя, ну это уже ни в какие ворота... Он хоть красивый? – поинтересовалась мама.

– Очень красивый и молодой. Его недавно инициировали, он сам сказал. И имя у него красивое – Аларих. Иностранец, одно слово.

– Тийя, – занервничала мама, – надеюсь, ты в него не влюбилась? Тебе бы лучше обратить внимание на Диму...

– Я не влюбилась... Ой, хорошо, что ты сказала про Диму. Напомнила. Мне надо кое-куда позвонить.

– Куда? – Мама у меня сверх меры любопытна.

– В гномскую больницу.

– Что случилось? – разволновалась мама.

– Все сегодня началось с того, что мы гуляли с Димой в парке, и ему стало плохо. Димке, разумеется, а не парку. Я вызвала гномскую «скорую», его увезли в больницу...

– А почему ты не поехала с ним?

Пришлось выкручиваться. Говорить про гробницу родителям не хотелось. А то они подумают, что после смерти их любимая дочь еще и сошла с ума.

– Так вышло, – беззаботно пожала плечами я. – Так я звоню?

– Звони, конечно.

Я достала сотовый и набрала данный мне гномом номер.

– Алло, больница? Здравствуйте, извините за поздний звонок. К вам поступил сегодня Дмитрий Санников, человек. Можно узнать, как его самочувствие?

– Минутку.

Я услышала, как щелкают клавиши компьютера.

– Вот. Дмитрий Санников, человек, помещен в сто третью палату. На данный момент состояние стабильное. Больной в сознании, но очень слаб. Завтра можете прийти его навестить, но ненадолго.

– Спасибо!

Я выключила телефон.

– Завтра отпрошусь с работы и навещу Димку, – сказала я родителям. – А сейчас извините, я очень устала.

– Перегной будешь?

– Нет, перед сном не ем. Я быстренько разотрусь тальком, а то вся пропахла этим вампиром, и в постель.

– Ну хорошо, – сказали родители и отправились спать.

Я зашла в ванную и, раздевшись, придирчиво осмотрела себя. Все бы ничего, только нашее следы от укуса – два синячка. Ладно, если до завтра не сойдут, замажу пудрой «Совершенный тон».

Я достала початую банку с тальком и принялась ожесточенно себя растирать, стараясь как можно лучше освежить кожу. Вскоре я добилась желаемого эффекта – моя кожа порозовела, стала гладкой и шелковистой и ко всему прочему запахла ванилью. Вот бы сейчас прямо в объятия Леканта!

– Эй, не мечтай, – сказала я своему отражению. – Завтра еще придется объясняться с руководством по поводу гробницы в кладовке.

Я накинула халатик и вышла из ванной. Открыла в спальне форточку, чтоб воздух был посвежее, и плюхнулась в постель. И почти сразу провалилась в сон. Вас не удивляет, что я, мертвая, еще и сплю? Меня, например, удивляет. Но поделать с этим ничего не могу.

И снова приснился мне сон про Леканта. Мы шли по какому-то лесу, ухитряясь помещаться вдвоем на узенькой тропинке. Лекант держал меня за руку и улыбался мне. А я... я просто тонула в его сапфировых блестящих глазах.

– Милая Тийя, – сказал мне Лекант, – благодарю тебя за то, что ты меня вызволила. Теперь дело за малым. Оживи меня.

– Но как? – спросила я, дрожа от предвкушения ласк.

– Все очень просто. Налей в гробницу крови. Как можно больше, хоть до самых краев. И закрой крышку. Я оживу и приду к тебе.

– Хорошо, – влюбленно глядя на Леканта, сказала я. – Я все сделаю как надо.

И дальше мой сон превратился в форменное эротическое безумие, так что пересказывать его я вам не буду. А то вы, читатели, просто люди и нервы у вас слабые.

Человеческие.

Утром я, как всегда, встала рано. Поставила дивиди-диск с записью упражнений из серии «Танец живота». Переоделась в спортивный костюм и следом за улыбчивыми ведущими проделала комплекс, подтягивающий бедра и ягодицы. А как же! Тело у меня одно, и за ним следить надо. Особенно после того, как оно умерло.

Следом проснулись родители. Из кухни потянуло жарящимся омлетом и варящимся кофе. Папа включил канал «Вести» на полную громкость. И взялся вслед за ведущими комментировать все новости.

Я оделась и накрасилась. Не сильно, просто хотелось опробовать новую помаду, подаренную Юлей Ветровой. Она сказала, что это заговоренная помада. Губы, накрашенные ею, будут притягивать к себе взоры всех мужчин.

А мне не всех.

Мне одного.

Правда, глаза у него есть только во сне...

На работу я явилась вовремя и сразу отправилась к нашей замдиректора по науке.

– Варвара Васильевна, – спросила я ее, – можно мне сегодня уйти пораньше?

– А что случилось?

– Дима Санников в больнице. Я хотела его навестить.

– Вот это новость! И что произошло?

– Мы вчера гуляли, и ему стало плохо, – выдала я приемлемую версию Диминой болезни.

– Ну что ж, конечно, иди. А пока, если у тебя нет никакой срочной работы, просмотри рубрикатор древностей. Кажется, лаборантки опять там что-то напутали.

Проверять рубрикатор древностей священная обязанность каждого сотрудника музея. Потому что если допустить там ведение записей кое-как (а именно так подчас ведут их лаборантки, эти вездесущие крашенные крысы), музей превратится в дом хаоса. Или что-то типа того.

Я кивнула, вышла из кабинета Варвары Васильевны и направилась к себе в комнатушку. Странно, что Варвара не спросила меня про гробницу. Неужели еще не знает?

Впрочем, та кладовка почти забытая, и никто в нее почти не заглядывает. Так что вполне может получиться так: о гробнице никто из моих сотрудников не узнает, покуда я им не скажу.

Часа два я сидела перед компьютером и возилась с рубрикатором. Потом решила, что надо дать себе передышку. Встала, разминая затекшее тело, и вышла в коридор.

Там было пусто, если не считать старого чучела крокодила. Он давно был смещен с экспозиции, но выбрасывать его никто не решался – жалко. Этот крокодил даже был для нашего музея чем-то вроде негласного амулета. Во всяком случае, нам пока жилось припева-

ючи под его отверстой пастью с обломками зубов. Мы с крокодилом играли. Как? Да просто. Загадывали желание или писали его на бумажке и совали ему в пасть. Помнится, я написала: «Хочу встретить свою любовь». И вот!.. Почти встретила.

Я потихоньку переместилась в зону кладовых и наконец оказалась в той, где была гробница.

Здесь все выглядело по-прежнему. Гробница тускло поблескивала мрамором под светом ничем не прикрытой стоваттной лампочки. Я хотела было открыть ее, но потом чего-то испугалась.

Что войдут...

И обнаружат.

А этого никак не должно быть!

И это внушил мне Лекант.

Я постояла, прислушиваясь. Было тихо. Возле кладовок никто не проходил. Может, пронесет?

В конце концов я покинула кладовку, предварительно прикрыв гробницу старыми упаковочными пленками и погасив свет. Все образуется. Мне почему-то кажется, что гробницу никто так и не заметит.

Я вернулась к рубрикатору, проработала еще часа три, а потом собралась в больницу к Диме.

До гномской больницы надо было ехать на троллейбусе пять остановок, а потом еще порядочно пилить пешком.

В этом троллейбусе кондуктором работала умертвие по имени Ванесса. Я с нею раньше дружила, а потом мы разошлись. Я недолюбливала ее – Ванесса всегда была слишком язвительна и любопытна.

– Куда это ты направляешься посреди рабочего дня? – подозрительно блеснула вертикальными зрачками она, отрывая мне билет.

– По делам музея, – не покраснев, соврала я. – В районе гномской больницы какой-то странный минерал обнаружили. Позвонили нам в музей, прислать сотрудника попросили.

– Представились?

Хм.

– Звонок анонимный, – продолжала запутываться в паутине лжи я.

– Тогда это липа, – со знанием дела сказала Ванесса. – Или террористы.

– Откуда быть террористам в нашем Щедром?

– Террористы, они везде, – мрачно ухмыльнулась кондукторша.

– По-моему, ты слишком подозрительная, Ванесса. Кстати, ты не пробовала новый крем от личинок? Называется «Белая роза». Говорят, помогает.

– Нет, я пользуюсь проверенным методом, – оскалилась Ванесса. – Деготь.

– То-то у тебя на плечах личинок что перхоти. Тьфу, смотреть противно. Да еще пребывать в таком виде перед людьми!

Троллейбус подъехал к последней остановке.

– Пока, Ванесса, – сказала я и поспешила прочь.

Я шла по дороге к гномской больнице и понимала, что сглупила. В чем? Да в том, что не купила Димуле никаких гостинцев, обычно полагающихся больному. Вот что значит мышление мертвеца! Сама если удобрениями питаешься да магией, то считаешь, что бананы с апельсинами не так уж и важны. Вот дура-то!

Хотя, будь при мне сумка с бананами, Ванесса вся бы изошла на любопытство.

Да черт с нею, с Ванессой! Можно подумать о ком-нибудь приятном.

Например, о Леканте.

Как он прекрасен в моих видениях!

Как я жду минуты свидания наяву!

Эти глаза... Они манили, обещали, звали. Они предвкушали и испытывали на прочность. Кстати, в мертвом состоянии я еще ни с кем не занималась... ну вы сами понимаете чем.

А если у нас с Лекантом это будет?

В чем я не сомневаюсь.

Не развалюсь ли я на пылинки и на атомы, сгорая от великой страсти? Впрочем, все равно. Я готова даже распасться на атомы, лишь бы Лекант существовал и был рядом.

Его сильные руки обнимут меня, как во сне, длинные, тонкие пальцы прикоснутся к моему лицу...

Я остановилась, переводя дух.

Что-то слишком уж размечталась!

Слава небесам, вот и больница.

Я пошла к входу, почему-то чувствуя себя виноватой перед Димой. И вовсе не в том, что втянула его в сомнительные авантюры. А за такие вот разухабистые мысли.

Я вошла в холл больницы. Здесь было пусто, если не считать скучающую гномиху за регистрационной стойкой.

– Здравствуйте, – подошла я к ней. – Я хотела бы навестить больного.

– Какая палата? – оживилась гномиха.

– Кажется, сто третья.

– Кажется или точно? – Гномиха уже смотрела не на меня, а на дисплей компьютера, стоявшего перед ней.

– Точно.

– Тогда возьмите халат и бахилы и идите на второй этаж. Направо первая дверь.

– Благодарю вас.

Я сняла с вешалки халат, получила в автомате коробочку с бахилами и должным образом экипировалась.

Сжимая в руках свою крошечную сумочку, я поднялась на второй этаж. Подошла к двери палаты и вдруг оробела. А что, если Димка после всего случившегося просто обидится на меня и не захочет меня видеть? Такое вполне может быть.

Я пристально оглядела себя в маленькое зеркальце на предмет личинок. Странно. Еще ни одной за весь день не выползло. Что не может не радовать.

Я деликатно постучалась и приоткрыла дверь.

– Кто там? Входите! – раздался слабый знакомый голос.

Я открыла дверь и вошла. В палате Димка был один, как король. Впрочем, гномская больница и обещает своим пациентам королевские условия. Правда, платить за них приходится... Интересно, сколько после всего этого у меня на кредитке останется денег?

Димка сидел в пижаме на постели и разгадывал сканворд. Завидев меня, он улыбнулся, отложил в сторону сканворд и встал.

– Тийя! – воскликнул он. – Как здорово, что ты пришла!

– Ты мне рад? – непроизвольно вырвалось у меня.

– Конечно, рад! – Дима взял мою безвольную руку и пожал. – Ты не представляешь, как скучно в этой больнице!

– Ох, Дима, короткая же у тебя память!

– В смысле?

– В смысле это же я, и никто другой, потащила тебя в такое место, где тебе стало плохо. Это из-за меня и моих амбиций ты попал в больницу. Прости меня, если сможешь.

– Тийя, ты не виновата! Я и сам заинтересовался этой гробницей. Кстати, какова ее судьба?

- Ой, Димка, я такого натворила! Если узнают в музее, выговором мне не отделаться.
- Так что?
- Я принесла гробницу в музей и спрятала в кладовке.
- Принесла? Гробницу?! Из камня?!!
- Дима, ты забываешь, что я обладаю большой физической силой. К тому же гробница почти плыла за мной по воздуху.
- Ладно, я взгляну на нее, когда выпишусь из больницы.
- А вдруг тебе опять станет плохо? Нет, я тебя не пущу. И вообще, как твоё самочувствие? Что говорят врачи?
- Говорят, что мне лежать надо неделю, – сердито бросил Дима.
- Сколько надо, столько и лежи. Значит, положение не из легких. Чем тебя лечат?
- Живой водой номер семнадцать и диазепамом. И пираретам в вену. А я не люблю пираретам. У меня от него голова болит.
- Терпи, милый. И вообще, что это ты стоишь? Ну-ка марш в постель!
- Не хочу. Я вполне транспортабелен. Давай в кресла сядем. Есть разговор.
- Что ж, давай.
- Мы сели в глубокие, обитые флисом кресла. Димка как-то пытливо смотрел на меня своими серыми глазами.
- Что такое? – немного занервничала я.
- Тийя, – негромко заговорил Дима, – скажи честно, ты с кем-нибудь встречаешься?
- То есть?
- Ну как с мужчиной. С возлюбленным, с парнем, черт побери!
- Что ты так разволновался? Тебе вредно. Нет, ни с кем я не встречаюсь. Ты мой единственный друг-парень.
- Друг... – протянул Дима.
- Да, друг. А вообще, я не понимаю, к чему ты ведешь.
- Дима покраснел и закашлялся.
- Ты подавился слюной? – заботливо спросила я. – Тебя по спинке похлопать?
- Н-нет, не надо, все нормально, – вымолвил Дима и как-то странно посмотрел на меня. – Тийя...
- Что?
- Значит, ты одинока?
- Ну в этом смысле да.
- Тийя, я... Я не могу так больше. Я хочу, чтобы ты вышла за меня замуж, вот что! – все еще краснея, выпалил Дима.
- Воцарилось молчание. Я переваривала полученную информацию и круглыми глазами смотрела на Диму. Замуж? Я?!
- Наконец я поняла, что дальше паузу держать невозможно. Я же не Джулия Ламберт!
- Дима, ты серьезно? – стараясь не улыбаться, выдавила я.
- Серьезней некуда, – мрачно сказал Дима. – Просто ты ничего не замечаешь, а я давно...
- Дима, не надо. Ты делаешь больно и себе, и мне.
- То есть? Это значит, что ты меня не любишь?
- Дим, я люблю тебя. Ну как друга. Как всех людей...
- Как всех – не надо. Значит, ты мне отказываешь?
- Конечно. Дима, брак между человеком и умертвием невозможен.
- Почему?
- Ну, во-первых, хотя бы потому, что у женщины-умертвия никогда не будет детей.
- Я об этом не подумал... Но можно ведь взять приемных! Вон вампиры так и делают.

– То вампиры. Это их традиция. Никто на них за это косо не смотрит. А меня все будут осуждать за то, что я загубила жизнь такому классному парню.

– Чушь.

– Не чушь. Тем более что я не знаю, каково это...

– Что?

– Ну секс. Умертвия с человеком. Может, от меня что-нибудь отваливаться начнет в процессе.

– А ты что, еще ни с кем?..

– А когда мне? Я то работаю, то дома помогаю, то диссертацию пишу!

– Прости, я забыл, что ты ко всему прочему еще и пишешь диссертацию.

– Да даже не в ней дело... Дима, я... Я не человек.

– Неправда!

– Правда. Я не смогу сделать тебя счастливым. И давай просто... просто останемся друзьями, как будто этого разговора и не было.

– Ну нет.

– Ты хочешь сказать, что я тебе больше не друг? – с комом в горле спросила я.

– Не друг, – подтвердил Дима. – Если не... невеста.

– Прости, Дима. Не надо вражды.

– Вражды и не будет, – холодно пообещал Дима. – Только в больницу ко мне больше не приходи.

– Хорошо, не буду. – Если бы я могла, то заплакала бы. Но мертвые не плачут.

– И вообще...

– И вообще мне уволиться из музея.

– Нет, что ты! – Холод на миг пропал из Диминых глаз. – Я же не сволочь, чтоб ломать тебе карьеру.

– Я этого не имела в виду. Дима, Дима! Ну зачем я тебе?

– Я люблю тебя. И всегда буду любить.

Мне стало нехорошо от таких слов.

– Дима, не смей! Любить надо человека!

– Это ты не смей мне указывать, кого надо и кого не надо любить...

В общем, расстались мы не мирно. Я вышла из больницы, еле ступая. Мне казалось, что тяжесть всех преступлений мира легла на мои плечи.

И давит, давит!

– Что я наделала! – шептала я. – Как я могла такое допустить! Бедный Дима!

Он же слабый, как все люди, будет страдать, мучиться...

И из-за кого!

Из-за какой-то меня! Из-за трупа ходячего!

От ненависти к себе у меня прибавилось сил, и я пошла от больницы окольными путями, чтобы попасть на Желтый мыс. Я любила это место. Там я всегда успокаивалась, приходила в себя, и если что-то не ладилось...

В общем, вы меня понимаете.

Основательно пропылившись (где теперь розовость и шелковистость моей кожи?), я пришла на Желтый мыс. Села на большой плоский гранитный валун, напоминающий по форме усеченный конус. Обхватила колени руками и задумалась.

А может, не так уж я и виновата?

Ну влюбился в меня Димка, понятно. Но ведь в России ежедневно влюбляются тысячи парней в тысячу девушек. И бывает, эти девушки им отказывают. Так что ж теперь, им за неуступчивость накладывать на себя руки?

Это было бы какое-то массовое девичье смертоубийство!

И далеко не факт, что для этих девушек нашлись бы реаниматоры.

Настроение стало немного получше. Может, хватит брать на себя общемировую вину?

И только я так подумала, как на Желтом мысу материализовались двое.

Сначала я их не узнала. Подумала, просто маги – поколдовать телепортировались. А потом...

Это были они.

Сущности, присутствовавшие при моей смерти.

Кажется, их зовут Алаэль и Имхореп.

От внезапно накатившего ужаса я вскочила. Нечаянно заехала ногой по валуну, и тот аккуратно распался на две части. Ну вот, теперь еще и природе вред наносу. Этот валун тут лежал себе и лежал...

Но было не до этого.

Они стояли и молча смотрели на меня.

– Зачем вы пришли? – хрипло выдавила я. – Забрать меня? Забирайте. И без того тошно.

Они молчали.

– Я не виновата в том, что Димка в меня влюбился! Я бы все что угодно отдала, лишь бы этого не было!

Молчание в ответ. Ледяное, ровное, спокойное. И два взгляда: один обжигающий, другой – холодящий кожу. Мне бы устрашиться – как я смею таким тоном с самими ангелами разговаривать?! Но меня несло. И я высказала им все, что думала по поводу своего существования, по поводу Димы, по поводу их самих и даже по поводу вампиров. Я говорила, говорила, говорила, а потом вдруг увидела, что их нет.

Они исчезли. Так и не сказав мне ни слова.

Что это было? Демонстрация силы? Мол, мементо мори! Помни о смерти.

А я и так помню. Очень даже хорошо.

Только смерть не грозит тому, кто уже и так умер.

Ладно, хватит об этом.

– Приди в себя, – сказала я хриплым голосом. – Тебе пока ничто не угрожает. Никто не собирается тебя забирать ни в рай, ни в преисподнюю. Потому что ты недостойна ни того, ни другого. Мыкайся вот теперь на Земле.

И после этих слов стало мне хорошо и легко. И с Димычем, подумала я, мы еще помиримся. Не все еще потеряно.

Я рассеянно погладила ладонью две половинки валуна. Извини, дружок. Похоже, ты больше всех пострадал в этой истории.

И тут я услышала:

– И из-за этого меня лишили отдыха в моем гробу?

Ох, опять кого-то несет нелегкая!

Надеюсь, не по мою душу.

Я осторожно присела на обломок валуна. Уйти незаметно уже не получалось: по единственной торной тропинке на Желтый мыс кто-то поднимался, оживленно беседуя.

Они подошли поближе, и я узнала Юлю Ветрову. А рядом с ней была красавица каких мало и... Кто бы вы думали?

Аларих!

Мне стало любопытно, что связывает всю тройку.

Они взобрались на мыс и конечно же увидели меня.

– Вот это да! – весело зашумела Юля. – Какие люди – и без охраны! Тийя, сто лет не виделись!

Я встала и подошла к ним. Юля обняла меня.

– Прекрасно выглядишь, – шепнула она мне при этом.

Да уж, прекрасно...

– Знакомьтесь, это Тийя, моя близкая подруга, – сказала Юля. – И ты, Тийя, знакомься: это моя сестра Эстрелья и ее бойфренд Аларих. Они приехали ко мне в гости очень издалека!

– Приятно познакомиться, – прошептала Эстрелья, и я поняла, что это она только что жаловалась на то, что ей не дают спокойно поспать в гробу. – А ты симпатичная. Где такую блузочку купила?

– Я сама сшила, – зарделась я. Похвалы моему портновскому ремеслу были мне всегда приятны.

– Аларих, почему ты так смотришь на Тийю? – удивилась Юля.

– Потому что мы с Тийей уже знакомы, – по-английски выдавил сквозь клыки Аларих.

– Да, знакомы, – подтвердила и я.

– И как же вы познакомились? – чуть ревниво спросила Эстрелья.

Да что ей ревновать-то! Я ей в подметки не гожусь! Такая красотища! Глаза – во! Грудь – во! Губы – во! И причесочка, и прикид – все модели высшего пилотажа. Даже странно, что Эстрелья заметила мою скромную блузку.

Эх, не была бы я умертвием – обязательно попросилась бы в вампириши!

Чтоб тоже быть вот такой же – *сногшибательной!!!*

Пока я искренне восхищалась красотой Юлиной сестры (и откуда у Юльки сестра-вампириша?), Аларих выдал девушкам свою версию встречи со мной. В его трактовке не было нападения на меня, а только моя помощь по части аптеки и такси до «Цепеша». Ну и ладно. Не хочет Аларих правду говорить, и не надо.

– Здорово, что вы познакомились, – искренне восхитилась Юлька. – Ну что, вот это и есть наш Желтый мыс, древнее место, полное магической силы. Чувствуете?

Парочка вампиров вежливо покивала. Крылья над их головами качались в такт. Я поняла, что с их помощью вампиры прикрываются от солнца. Но это так, для блезиру. На самом деле сейчас очень немногие вампиры боятся солнца. Они разработали специальные иммунные препараты, вводят их себе, и солнце им уже не грозит.

Они еще о чем-то болтали, я не прислушивалась, а потом Эстрелья капризно сказала:

– Я голодна! Эта ваша донорская кровь совершенно не утоляет голода! И к тому же мой организм ее отторгает!

– А... – начала было Юля и словно наткнулась на невидимую преграду. – Хорошо, Эстрелья. Я сейчас же покормлю тебя.

У Эстрельи блеснули красным глаза. А Аларих с шумом втянул в себя воздух.

Юля сняла часы с левого запястья и протянула запястье к губам Эстрельи:

– Пей, сестренка!

– Спасибо, сестренка, – благодарно улыбнулась красавица и, обнажив клыки, припала к пульсирующей на запястье жилке.

Меня замутило. Только этого еще не хватало!

А Юля ничего, стояла и улыбалась.

– Тийя, – сказала она мне, – ты не волнуйся, Эстрелья никогда до конца меня не выпивает. А потом резервы моего организма быстро восполняют недостаток крови. Я же ведьма. Тоже не совсем человек. И потому у меня все по-другому.

– Я не волнуюсь, – тихо сказала я. – Хотя нет, черт, конечно же волнуюсь! Просто при мне такого никогда... Юля, а тебе больно?

– Нет, только щеekотно немного.

– Все, – сказала Эстрелья. – Я напилась. Сыта. Мерси, Юленька.

– Не за что. А теперь махнем-ка все в универсальный ресторан! Аларих, по-моему, тоже голоден, а значит, ему нужна кровь. У тебя, Тийя, видок бледный, подкормись-ка сили-

катными удобрениями. Да и я от бокала коньяку и хорошо прожаренного стейка не отказалась бы.

– У меня есть деньги, – торопливо сказала я. – Плачу за всех!

– Ни к чему такие жертвы, Тиечка, – звонко рассмеялась Эстрелья. – Мы с Аларихом привезли кучу валюты и совершенно не представляем, на что ее тратить в вашем Щедром. Матрешек и валенки покупать?

– Ну почему обязательно матрешек...

– Не спорь, Тиечка. Платим мы с Аларихом. Юльчик, ваш ресторан принимает валюту?

– Еще как!

– А цыгане у вас в ресторане есть?

– Закажем!

– Вот и отлично! Я еще давно хотела услышать хор цыган. Я от записей Сличенко без ума! Аларих, не стой столбом!

– Что? – спросил он по-английски.

– Переходи на русский! – капризно топнула ножкой Эстрелья. – Хватит выпендриваться! Ты прекрасно знаешь язык Толстого и Тургенева! Ты же мне сам «Отцов и детей» в подлиннике читал!

– Ладно, ладно, не шуми только, Эстрелита, сердце мое, – на хорошем литературном русском заговорил укрощенный Аларих. – Идемте в ресторан, да куда угодно, лишь бы уйти с этого мыса.

– А что? Фоновая магия допекает? – задорно спросила Юля.

– Дopeкает, – покорно кивнул Аларих.

И мы отправились в ресторан.

Вообще ресторанов у нас в городе не очень много. Зачем, когда щедровские жены готовят лучше всех кулинарных шоу? Даже я, умертвие, готовить умею так, что никакой поваренной книге за мной не угнаться.

Но этот ресторан, который, кстати, назывался «Надежда», пользовался спросом. Видите ли, в нем подавали всё. Не только для людей, но и для оборотней, для вампиров, для гномов, для умертвий и даже для привидений там имелось специальное меню, включающее продукты, содержащие первосортную эктоплазму. Цены, правда, были солидные, но один раз-то можно позволить себе сходить в ресторан!

Мы вошли в громадный, с панелями из вишневого дерева зал. Вишневое дерево было выбрано неслучайно. Оно задерживает магию, рассеивает ее, и поэтому в ресторане никогда не возникает опасности пьяной стычки между каким-нибудь колдуном и ведьмой. Или вампиром. Ведь вампиры у нас в Щедром тоже не совсем обычные – владеют волшебой лучше многих.

И потому они бывают опасны.

Но сейчас не об этом. Сейчас мы намеревались душевно повеселиться и потешить чрево. Я даже ощутила нечто вроде голода. Пожалуй, мне пошла бы на пользу хорошая порция гипосульфита. От него всегда такой завораживающий блеск в глазах появляется!

Метрдотель узнал Юлю и, естественно, залебезил. Юля – это знаменитость нашего Щедрого. Таких ведьм, как она, раз-два и обчелся. Опять я отвлеклась. Извините.

Мы сели за столик, покрытый кипенно-белой скатертью. Я снова про себя с удивлением отметила, что из меня не выползло ни одной личинки. Приятно. Чувствуешь себя совсем как человек!

– Что будете заказывать, дамы и... э-э... господин?

– Погодите, дайте подумать минутку, – улыбнулась Юля. – Пожалуй, так. Моим гостям-вампирам – бифштекс с кровью и бордо шестнадцатилетней выдержки. Я знаю, у вас есть такое, сама на прошлой неделе пробовала, спасибо вашему сомелье. Тийя, тебе...

– Гипосульфит, – быстро сказала я. – И немного кремниевого порошка.

– Отлично, – кивнул метрдотель. – Гипосульфит и кремниевый порошок. К нам как раз завезли свежайший. А вы что будете, госпожа?

– Парфэ из тигровых креветок, салат по-балтийски, а вино... Пусть будет пино нуар восемьдесят второго года.

– Замечательно. Благодарю вас за то, что посетили наш ресторан.

Юля в ответ только очаровательно улыбнулась.

– А где же цыганский хор? – оглядывалась Эстрелья.

– Эсси, погоди. Цыгане у нас так рано не появляются. Вот посидим, выпьем...

– А, ну хорошо.

Принесли заказ. Аларих кровожадно уставился на бифштекс.

– Прелесть какая, – сказал он. – Наконец-то вижу что-то приличное из пищи.

И он вознамерился было приняться за бифштекс, как его одернула Эстрелья:

– Аларих! А молитву?

Святители! Вампиры – молятся?!

– Да, действительно, – рассеянно кивнул Аларих, пожирая взглядом бифштекс. – Молитву...

Они с Эстрельей молитвенно сложили ладошки и проговорили хором:

– О, Бессмертный Вампир, благослови дела, помыслы и трапезы наши и не введи нас в Совет Нечестивых. Аминь.

После чего Аларих с жадностью, почавкивая, набросился на бифштекс, запивая его бордо, а Эстрелья деликатно начала кушать, отрезая от своего маленькие кусочки.

– Слушай, – обратилась я к Юле, – что это была за молитва? Кто такой Бессмертный Вампир? Что это за Совет Нечестивых?

– Бессмертный Вампир – это наш с Эсси дедушка, – небрежно сказала Юля. – Он глава Совета Нечестивых, а Совет Нечестивых – это орган управления вампиров. Ешь давай. У этих вампиров все так запутанно.

Юля принялась за парфэ, а я занялась своим гипосульфитом и кремниевым порошком. Кстати, они действительно оказались свежими. Метрдотель не солгал.

К слову, вы, наверное, удивляетесь тому, что входит в мое меню. Перегной там, мочевины, гипосульфит тот же... Не удивляйтесь. Все умертвия так питаются. Магия дает нам возможность существования, а неорганика – поддерживать тело в нормальном состоянии. Чтoб не распалось.

Я проглотила парочку самых привлекательных кристаллов гипосульфита и тут увидела, как на небольшую ресторанный эстраду вышел конференсье. Он тоже был умертвием, но выглядел... живые позавидуют. Такого блеска и лоска я давно не встречала. Честное слово, приятно за свой вид!

– Приветствую вас, дамы и господа! – жизнерадостным баритоном продудел конференсье в микрофон. – Мы рады, что вы снова отдали предпочтение нашему ресторану и, надеюсь, приятно проводите в нем время. А для того чтобы это время проходило еще приятней, мы подготовили для вас эксклюзивную концертную программу!

За столиками воодушевленно зааплодировали. Мы присоединились к аплодисментам, только Аларих, не обращая ни на что внимания, пер и пер на бифштекс, как танк на силосную кучу. Извините за сравнение. Ну вот не нравится мне, как вел себя Аларих! Разве таким должен быть настоящий вампир?! Вампир – это элегантность, изящество, шарм, наконец! А тут? Ну какой шарм может быть в чавканье?!

Между тем конференсье представил первый номер концертной программы. Первым номером оказалась худенькая высокая вампирша, затянутая в бархатное платье со стразами. Ее декольтированные плечи украшало боа из птичьих перьев. Подведенные глаза приятно отблескивали красным. Словом, красоточка.

Красоточка нежно обхватила наманикюренными пальчиками микрофон и запела влекущим голосом:

Ой, цветет калина в поле у ручья.
Старого вампира полюбила я...

Песня оказалась душещипательной, как и ее известнейший прототип. Некоторые из посетителей расчувствовались и вытирали глаза платочками. А кое-кто даже послал певице букеты – благо между рядами ходила цветочница с большой корзиной роз, пармских фиалок и ненюфаров.

Вампиршу, страдавшую от неразделенной любви, сменил на сцене простенький маг, развлекший всех нехитрыми фокусами с плазмоидами и шелковыми платками. Я, правда, так и не поняла, как ему удавалось плазмойды превратить в голубей. Одно слово – магия!

Юля пила пино нуар, а вампиры заказали по второй порции бифштекса с кровью. Я же смаковала кремниевый порошок и была довольна всем на свете...

И тут я вспомнила про Димку, и меня будто в грудь бревном ударили! Я, значит, тут сижу, наслаждаюсь кремниевым порошком, жуирую жизнью, а он лежит в больнице, одинокий, несчастный, попавший туда по моей вине!

Мне стало так нехорошо, что я отодвинула тарелку с недоеденным кремнием. Это не укрылось от пронизательного взгляда Юли.

– Что с тобой? – немедленно спросила она. – Кремний попался неудобоваримый?

– Нет... – нехотя протянула я.

– Тогда что?

Я посмотрела на парочку вампиров. Они увлеклись концертной программой и на нас с Юлей не обращали никакого внимания. Это и к лучшему. Чем меньше народу будет знать о моей проблеме...

– Юля, что делать, если в тебя влюбились?

– А в тебя влюбились?

– Похоже, что да.

– Поздравляю. Выхода два: или ответь взаимностью, или пошли далеко и надолго. Хотя первый выход предпочтительнее. Ну что ты на меня так смотришь своими прекрасными вертикальными зрачками? Излагай подробности.

– Понимаешь, Юля, мы с ним работаем вместе. Его зовут Дима Санников.

– Музейный мальчик? Ну-ну.

– А тут так получилось... В общем, я считала и считаю его только другом. И пошли мы с ним в парк погулять. И ему плохо стало.

– Отчего?

– Не знаю.

– Что-то ты темнишь, подруга. Ну ладно, излагай свою версию дальше. А я послушаю.

– В общем, совсем ему плохо – сознание потерял и все такое...

– Ясно. Довела мальчика до эротического перенапряжения. Как в «Сибирском цирюльнике».

– Юля, ну как я могу рассказывать, если ты все время меня перебиваешь!

– Молчу-молчу. Говори.

– Я вызвала «скорую», и его увезли в больницу. Потом поставили диагноз – шоковый эпизод.

– Ого! Молчу.

– А когда я его через некоторое время навестить пришла, он...

– Набросился на тебя и попытался сорвать трусики? От шока...

– Юля!

– Молчу.

– Он попросил меня выйти за него замуж!

Юля долго молчала. Целую минуту или около того. Потом осторожненько поинтересовалась:

– И ты?

Я пожала плечами:

– Отказалась, конечно.

– Тебе предложили замужество и ты отказалась?

– Да.

– Не верю своим ушам. Ну какая нормальная девушка откажется от замужества!

– Юля, я не нормальная девушка. Я умертвие. Я не смогу стать хорошей женой, не смогу родить детей, и вообще неизвестно, какова я буду в постели.

– А у тебя что, после восстановления еще ни с кем?

– Ни с кем.

– Музейная девочка! Ты скоро покроешься пылью столетий, как ваши экспонаты, если не найдешь себе любовника. Вот уж поверь. На что я свободомыслящая ведьма, а и то без своего Ромула скучаю, если он куда отлучается. Кто еще так погладит мой хвостик, как он? Значит, ты отказала Диме.

– Отказала.

– Зря.

– Юля, я не могу. И потом, я не люблю его как мужчину.

– Да кого ж сейчас из них, паршивцев, можно любить как мужчину?! Смешно даже. Тиечка, они выродились настолько, что мужчинами их называешь только потому, что у них одна хромосома дополнительная между ног болтается! Разве это мужчины? Слабые, закомплексованные, обидчивые, нервные, самодостаточные! Где руки, как сталь, где плечи, раздвижные, как гармошка у автобуса? Где немногословность, умение пить не пьянея и носить любимую женщину на руках так, что у нее экстаз от одного только мужского дыхания начинается?! Эх, Тиечка! Мужчины повyroдились...

– Это банально.

– Но факт. Дай-ка я винца глотну. Вот мой Ромул. Он неплохой, но...

– Я думала, у вас все серьезно.

– Серьезно, конечно. Во всяком случае, если я и соберусь когда-нибудь рожать, то только от него. Он сможет обеспечить всем моего ребенка и меня. А взять их всех вместе – могут ли они? Ничего они не могут.

– Ты преувеличиваешь. Ну хорошо. Если мужчины такие, как ты говоришь, убогие, то почему ты считаешь, что я зря отказала Диме?

– Ты очень одинока, Тиечка. Мы, друзья, – это еще не все в жизни. А Дима бы тебя грел.

– Ну не люблю я его!

– Что ты раскричалась? Успокойся, а то на тебя смотреть будут. Тиечка, меньше всего я хотела тебя обидеть. Только позволь мне предположить одну вещь.

– Предполагай.

– Ты теперь себя чувствуешь виноватой перед всем мужским полом, потому что отказала Диме.

Я нервно согнула десертную ложку:

– Ну... да.

– Верни ложку в исходное положение. Замечательно. А теперь я скажу тебе, что это глупость.

– Что? То, что я согнула ложку?

– Нет, не это, а то, что ты заразилась чувством общемировой вины. Запомни, Тиечка, женщина никогда не должна чувствовать себя виноватой!

– Почему?

– Да потому что женщина и так обделена от природы. У нас на двести граммов меньше мозга, чем у мужиков, опять же, хромосомы одной не хватает... А если мы еще будем виноватиться, да еще перед ними, злодеями, так вообще жизни никакой не будет. Почему у тебя ресницы не покрашены?

– Ну... Я забыла.

– А вот и нет. Ты не забыла, ты просто решила, что раз ты так плохо поступила с несчастным Димой, то тебе надо поставить на себе крест. А это не так.

– Ох...

– Ты очень красивая девушка, Тийя, и у тебя есть одно неоспоримое достоинство. Даже два.

– Каких?

– Забыла? Ты никогда не постареешь, и ты бессмертна. По-моему, неплохая подборочка. Даже мы, ведьмы, покрываемся морщинами и когда-нибудь покроемся и крышкой гробовой. А ты... Да тут масса возможностей! Крути романы, кружи мужикам головы, тем более они сами этого хотят.

– Чего?

– Чтоб им кружили головы. А то им лишние двести граммов мозга на череп давят и доводят до гипертензии. О, кстати! Посмотри-ка на столик, что стоит слева от нас. Только аккуратно.

– Смотрю. Ну и что?

– Тот мужичок с лысинкой, «сильно за тридцать», по-моему, на тебя запал. Просто глаз не сводит. Хочешь его?

– Ни в коем случае! Не хочу!

– Ну как знаешь. А то я могла бы вас свести.

– Это как?

– Раз ты отказалась, я не буду тебе раскрывать своих профессиональных секретов. Скажу только, что сводничество у меня в крови. И чем старше я становлюсь, тем больше ощущаю себя сводней, прости господи. Ладно. Закажу-ка я себе еще салатику и перно.

– А не много ты пьешь?

– Не занудствуй. Официант!

Юля заказала салат из морепродуктов и бутылку перно. Вообще-то она уже была хороша от пино нуар, но я не смела спорить. В конце концов, Юля взрослая ведьма и сама знает, когда и как ей напиться.

Меж тем вампиры покончили со своими бифштексами и теперь сидели довольные, потягивали из хрустальных бокалов бордо.

– Кстати, Юля, – сказала я глядя на красавицу Эстрелью. – Ты никогда не говорила, что у тебя есть сестра-вампир.

– И тем не менее. Эсси – моя родная сестренка. Хочешь, расскажу, как мы обрели друг друга?

– Конечно!

– О, это такая история.

И Юля рассказала.

В бытность свою Госпожой Всех Ведьм она столкнулась с тем, что кто-то выкрал из Дворца Ведьмовского Ремесла мощи покровительницы всех ведьм святой Вальпурги. Юля долго искала святотатца. А потом оказалось, что это сделали вампиры – для того, чтобы обменять мощи на жизнь Юли. Им нужна была Юлина кровь – кормить Эстрелью. Ведь никакой другой крови организм прелестной вампирши не мог принять. Так Юля и Эсси познакомились. Юлю, конечно, вампиры не убили, она просто сдает периодически свою кровь для сестры, пересылает ее в вакуумных упаковках. Эсси довольствуется немногим. Изредка она приезжает в гости к Юле в Щедрый, потому что ей скучно со стариками-вампирами и даже с дедом.

– Да, ужасно скучно и противно, – подтвердила Эстрелья. – Поэтому я и инициировала Алариха.

– И я тебе очень за это благодарен, милая. – Аларих оторвался от бокала и галантно облобызал Эстрелье мраморно-белую ручку. – Моя человеческая жизнь была слишком неинтересна.

– На самом деле я спасла Алариха от банды нехороших парней, с которой он по своей наивности связался, – улыбнулась, блеснув острыми зубками, Эстрелья. – Рассказать, как это было?

– Не стоит, – помялся Аларих. – Давай лучше потанцуем.

И действительно, на эстраде образовался неплохой квартет, и наигрывали они что-то из Поля Мориа, так что влюбленной парочке потанцевать было самое то.

Аларих встал, протянул Эстрелье руку, та поднялась, грациозная как пантера. На меня повеяло ароматом ее туалетной воды от Живанши. И они пошли танцевать.

Получалось у них здорово. Хотя говорят, что прирожденные танцоры – это инкубы и суккубы, у вампиров тоже неплохо выходило.

– Знаешь что, – нетрезво сказала мне Юля, посверкивая глазами и макая кончик хвоста в салат, – по-моему, он ее не любит.

– Кто кого? – рассеянно переспросила я, наблюдая за танцующей парой. Мысли мои были далеко, в музейной кладовой, возле мраморного гроба, в котором лежал возлюбленный скелет. – Ты вообще о чем?

– О ком, – поправила Юля. – Я о Алике и Эсси. Аларих ни капельки Эсси не любит.

– С чего ты взяла? На мой взгляд, они прекрасная пара. И смотрит он на нее с нежностью. На меня бы так кто смотрел.

– А Дима?

– Дима не смотрел с нежностью. Он смотрел как кролик на удава.

Юля рассмеялась и облизала кончик хвоста.

– Обожаю вести себя неприлично, – при этом сказала она. – Так вот, дорогая моя Тиечка, я четко вижу, кто кого любит, а кто – нет. И Аларих этот к моей сестре пылает страстью не больше, чем ковер к потолку.

– Может быть, ты ошибаешься?

– Нет! И моя задача состоит в том, чтобы открыть сестре глаза на Алариха. Мне кажется, он просто ею пользуется.

– Но ведь это она инициировала его. Причем для себя. Это она им пользуется, а не наоборот.

– Эх, Тиечка, ничего ты не понимаешь. Эсси влюбилась в него до смерти, еще когда он был человеком. А человеком он был... так себе. Знаешь, что ему грозило?

– Что?

– Пуля в голову при любом раскладе. Он взял у нехороших ребят много денег на развитие своего бизнеса и прогорел. А когда нехорошие ребята потребовали у него назад свои деньги, он быстренько нашел Эсси. И стал вампиром.

– А дальше?

– А дальше он нашел всех этих нехороших ребят и выпил. Все чисто. И долг не надо отдавать.

– Ну в какой-то степени его можно понять. И ее тоже. А знаешь что, Юля?

– Мм?

– На самом деле мы не совсем так познакомились, как Аларих описывал. На самом деле он сначала на меня напал.

– Он – на тебя?!

– Совершенно верно. У меня до сих пор след от укуса на шее виден, просто я его запудриваю. Показать?

– Не надо. Вот смеху-то! Вампир напал на умертвие! Да это жареная новость для пера Сидора Акашкина!

Сидор Акашкин был и есть головная боль всего нашего города. Это скандальный журналист, вынюхивающий разные скабрзные и не очень факты для своей желтой газетенки под названием «Щедровская истина». Сидора не любил никто. Хотя когда-то он был женат. Но жена не выдержала его характера, а также работы, и сбежала. Сидор с тех пор особенно озлился, преимущественно на женщин. Каково ему будет узнать скандальный фактик про нападение на умертвие!

– Нет, Юля, об этом молчок, особенно при Эстрелье. Я не хочу, чтобы она своего бойфренда презирала: мол, не смог умертвие от человека отличить.

– Да, тут ты права, молчание в нашем случае – золото. Слушай!

– А?

– Теперь я понимаю, почему у тебя еще ни одной личинки не выползло!

– Почему?

– Потому что Аларих тебя укусил. Он наверняка впрыснул тебе свою слюну. А в слюне вампиров содержится экзопсилоцибин – сильнодействующий наркотик. Может, он и прикончил твоих личинок?

– Ну коли так, спасибо Алариху. Но все равно об этом ни слова.

– Само собой. – И Юля отпила перно из бокала.

Музыка кончилась, и парочка наших вампиров вернулась к столику. Дышали они ровно и спокойно, словно вовсе и не им только что пришлось отплясывать на танцполе. Впрочем, ничего удивительного: у вампиров сердце не бьется, кровеносная система не такая, как у людей, все очень замедленно, вплоть до метаболизма.

– Вы прекрасно танцевали, – похвалили мы с Юлей вампирчиков.

А что? Это правда. Танцевали они отлично.

– Может, еще что-нибудь заказать? – спросила Юля.

– Крови, – рыкнул Аларих. – Чистой крови!

– Я позову официанта, – кивнула Юля. – А ты что будешь, Эсси?

– Мне еще бордо. Алик!

– Да? – Аларих посмотрел на подругу налитыми кровью глазами.

– Ты бы отказался от крови. Смешивать вино и кровь – это неблагородно. Да и в голову может ударить...

– Я не пьян! Я трезв как стекло! Так что бокал-другой хорошей свежей крови мне не повредит.

Аларих сказал это слишком громко, да еще с прорвавшимся акцентом. На нас стали оглядываться.

– Тише, Алик, – мягко попросила Эсси, но во взгляде ее сверкнул металл. – Не бузи.

– What is it «ne buzi»?¹ – надменно спросил Аларих.

Мне он все больше и больше не нравился. Тоже еще вампир выискался! Приличные вампиры такими не бывают!

¹ Что значит «не бузи» (англ.)?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.